

#1 NEW YORK TIMES & USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

ПРОДАНО БОЛЕЕ 100 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ДЕББИ МАКОМБЕР

**Магазинчик
на Цветочной улице**

У Дебби Макomber редкий дар —
она понимает женщин, их душу,
отношения, жизненные ценности,
и все это чувствуется в ее книгах.

BookPage

Дебби Макомбер Магазинчик на Цветочной улице

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=588505

Магазинчик на Цветочной улице: Центрполиграф; М.; 2010

ISBN 978-5-227-02258-5

Аннотация

Лидия Хофман шестнадцать лет боролась с тяжелым недугом и победила его с помощью самоотверженной любви родных, доброты друзей и... вязания. Теперь она – удачливая владелица магазинчика пряжи «Путеводная нить» на Цветочной улице – набрала первую группу на курсы вязания. Словно волшебная нить Ариадны прочно связала не знакомых прежде женщин. Общая энергия преодоления помогает блистательной Жаклин восстановить гармонию в семье и наладить отношения с простушкой-невесткой и «неверным» супругом, неформальной боевой Аликс найти надежную пристань в житейском море, а отчаявшейся в попытке родить ребенка Кэрол – обрести чудесного сыночка. Сама Лидия под влиянием этой энергии начинает верить, что ее любовь не в прошлом, а в будущем.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	75
Глава 8	84
Глава 9	93
Глава 10	105
Глава 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Дебби Макомбер Магазинчик на Цветочной улице

*Линде Джонсон, разделившей со мной любовь к
вязанию.*

Лауре Эрли, которая взяла меня под свое крыло.

*И Лизе, сумевшей тронуть мое сердце своим
страстным желанием иметь детей*

Детское одеяльце из отдельно вывязанных элементов от Энн Норлинг

Размер готового изделия: 84 × 114 сантиметров (размер
детской кровати)

Материал: 1188 метров пряжи-ровницы (600 граммов),
2 маркера ¹

Плотность вязания: 5 петель в 1 сантиметре на спицах но-
мер 8 (или того размера, который даст вам требуемую плот-
ность вязания)

---

¹ Маркер места и маркер петель используются для того, чтобы не считать все время петли, или отметить то место, когда петли необходимо переместить на другую спицу. Маркер можно купить в магазине. Это замечательный инструмент, когда нужно сохранять определенное количество петель или когда вывязывают образец. Маркером может быть кольцо или английская булавка.

Спицы: круговые номер 8

Словарик

Л – лицевая петля

И – изнаночная петля

ЛЗ – три лицевых петли

ИЗ – три изнаночных петли

птл – петли

П р и м е ч а н и е:

* – обозначение раппорта. Когда вы видите обозначения *ЛЗ, ИЗ* или похожие группы петель, это означает, что вы повторяете раппорт.

Наберите 171 петлю.

Кайма

Ряд 1: *ЛЗ, ИЗ* по всему ряду, закончить ЛЗ.

Ряд 2: *ИЗ по всему ряду, закончить ИЗ.

Ряд 3: повторить ряд 1.

Ряд 4: повторить ряд 2.

Ряд 5: *ЛЗ, *ИЗ по всему ряду, закончить ИЗ.

Ряд 6: *ЛЗ, ИЗ* по всему ряду, закончить ЛЗ.

Ряд 7: повторить ряд 5.

Ряд 8: повторить ряд 6.

Ряды 9—12: снова повторить ряды 1—4.

Середина

Ряд 13: ИЗ, ЛЗ, ИЗ, *Л9, И9* по всему ряду, на последние 18 петель надеть маркер места, Л9, ИЗ, ЛЗ, ИЗ. Ряд 14:

ЛЗ, ИЗ, ЛЗ, *И9, Л9* по всему ряду, на последние

18 петель надеть маркер места, И9, ЛЗ, ИЗ, ЛЗ. Ряд 15: повторить ряд 13. Ряд 16: повторить ряд 14. Ряд 17: ЛЗ, ИЗ, ЛЗ, *Л9, И9* по всему ряду, на последние

18 петель надеть маркер петель, Л9, ИЗ, ЛЗ, ИЗ. Ряд 18: ИЗ, ЛЗ, ИЗ, *И9, Л9* по всему ряду, на последние

18 петель надеть маркер петель, И9, ИЗ, ЛЗ, ИЗ. Ряд 19: повторить ряд 17. Ряд 20: повторить ряд 18. Ряды 21–24: повторить ряды 13–16. Ряд 25: ЛЗ, ИЗ, ЛЗ, *И9, Л9* по всему ряду, на последние

18 петель надеть маркер петель, И9, ЛЗ, ИЗ, ЛЗ. Ряд 26: ИЗ, ЛЗ, ИЗ, *Л9, И9* по всему ряду, на последние

18 петель надеть маркер петель, Л9, ИЗ, ЛЗ, ИЗ. Ряд 27: повторить ряд 25. Ряд 28: повторить ряд 26.

Ряд 29: ИЗ, ЛЗ, ИЗ, *И9, Л9* по всему ряду, на последние
18 петель надеть маркер петель, И9, ИЗ, ЛЗ, ИЗ.

Ряд 30: ЛЗ, ИЗ, ЛЗ, *Л9, И9* по всему ряду, на последние
18 петель надеть маркер петель, Л9, ЛЗ, ИЗ, ИЗ.

Ряд 31: повторить ряд 29.

Ряд 32: повторить ряд 30.

Ряды 33–36: повторить ряды 25–28.

Повторяйте ряды 13–36 до тех пор, пока размер изделия не достигнет приблизительно 107 сантиметров.

Повтор каймы

Повторить ряды 1—12. Закончить не стягивая.

Глава 1

ЛИДИЯ ХОФФМАН

*Из пряжи набирают петли, вязание куёт
дружбу, ремесло связывает поколения.
Карен Альфке, дизайнер и инструктор по вязанию*

Когда я в первый раз увидела пустующий магазинчик на Цветочной улице, подумала об отце. Магазинчик сразу же напомнил мне отцовскую лавку, где продавались велосипеды, когда я была еще ребенком. Даже большие витрины, затененные яркими полосатыми маркизами, были такие же. Перед магазинчиком моего отца стояли цветочные ящики, полные красных соцветий бальзамина-недотроги, которые свешивались через край ящиков под витринами. Это был мамин вклад: бальзамин-недотрога весной и летом, хризантемы осенью и лоснящаяся зелень омелы в Рождество. Я тоже планирую развести цветы.

Отцовский бизнес рос стабильно, и время от времени он переезжал в более просторные помещения, но его первый магазинчик я всегда любила больше остальных.

Должно быть, я изумила агента по недвижимости, которая показывала мне помещение. Едва она успела отпереть парадную дверь, как я заявила: «Беру».

Она повернулась ко мне с недоуменным выражением ли-

ца, словно сомневалась, расслышала ли меня правильно.

– Разве вы не желаете осмотреть помещение? Вы отдаёте себе отчет, что над магазином есть небольшая квартирка, которая сдается вместе с ним?

– Да, вы упоминали об этом раньше.

Квартира мне прекрасно подходила. Мы с моим котом Уискерсом нуждались в доме.

– Вы ведь *захотите* осмотреть помещение, прежде чем подпишете бумаги, ведь верно? – настаивала она.

Я улыбнулась и кивнула. Но в этом не было необходимости, инстинктивно я понимала, что это идеальное место для моего магазинчика вязальных принадлежностей. И для меня.

Единственным недостатком было то, что в этом районе Сиэтла велась обширная перестройка, и из-за грязи и строительного мусора Цветочную улицу с одного конца перекрыли, въезд разрешался только авто местных жителей. Каменное строение через дорогу, которое когда-то было трехэтажным банком, переделывалось в высококачественное кооперативное жилье. Несколько других строений, в том числе и старый склад, также находились в процессе превращения в кооперативные дома. Архитектору каким-то образом удалось сохранить традиционный дух изначальных построек, и мне это пришлось по вкусу. Строительство продлится несколько месяцев, но это означает, что моя рента будет приемлемой, по крайней мере в данный момент.

Я понимала, что первые шесть месяцев будут трудными, как и для любого мелкого бизнеса. Продолжительная стройка может создать больше препятствий, чем могло бы быть, тем не менее мне полюбилось это место. Именно о таком я и мечтала.

Рано утром в пятницу, неделю спустя после осмотра владения, я поставила свою подпись, «Лидия Хоффман», в договоре об аренде на два года. Мне вручили ключи и копию договора. В тот же день я переехала в свой новый дом. Не помню, чтобы я когда-либо волновалась так, как сейчас. У меня было такое ощущение, что я начала новую жизнь, и во многих отношениях (в чем я вряд ли давала себе отчет) так оно и было.

Я открыла магазин под названием «Путеводная нить» в последний четверг апреля. Стоя посреди собственного магазина, разглядывая окружающие меня цветочные пятна, я чувствовала гордость и была полна ожиданий. Могу представить, что скажет моя сестрица, когда узнает, что я натворила. Я не спрашивала у нее совета, потому что прекрасно знала, каким будет ответ Маргарет. Она, мягко выражаясь, не из тех, у кого можно найти поддержку.

Я пригласила плотника, который соорудил для меня несколько ячеек – в три ряда, выкрашенных в кипенно белый цвет. Большая часть пряжи была доставлена в пятницу, и я провела выходные, сортируя ее по весу и цвету и аккуратно раскладывая по ячейкам. Я купила подержанный кас-

совый аппарат, заново отполировала прилавок и установила стеллажи с принадлежностями для вязания. Я была готова к открытию своего дела.

Для меня это мог бы быть счастливый момент, но вместо этого оказалось, что я с трудом сдерживаю слезы. Папа был бы так доволен, если бы увидел, что я сделала. Он был моей опорой и источником моей силы, моим путеводным огнем. Я испытала шок, когда он умер.

Видите ли, я всегда полагала, что умру раньше своего отца.

Большинство находит разговоры о смерти неудобными, но я так долго жила под ее угрозой, что подобная тема меня не трогает. Угроза смерти была моей реальностью на протяжении последних четырнадцати лет, и я нахожу столь же уместным говорить о смерти, сколь и о погоде.

Моя первая схватка с раком произошла летом, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Тем августовским днем я отправилась получать водительские права. Успешно сдала письменный тест и тест по вождению. Мама разрешила мне вести машину от конторы, где мне выдали права, до кабинета окулиста. Предполагалось, что это будет обычный осмотр – мне нужно было проверить зрение перед началом последнего года в средней школе. У меня были большие планы на тот день. Как только я вернусь домой от окулиста, мы с Беки собирались поехать на пляж. Мне предстояло в первый раз взять машину, и я не могла дождаться, когда сяду за руль без

мамы, папы или старшей сестры.

Помню, я расстроилась, узнав, что мама записала меня на прием к окулисту сразу после теста на вождение. У меня были головные боли и приступы головокружения, и папа решил, что мне, возможно, требуются очки для чтения. Мысль о том, что я появлюсь в Линкольновской средней школе в очках, доставляла мне беспокойство. И какое! Я надеялась, что мама с папой согласятся на контактные линзы. Как выяснилось позже, ухудшение зрения было самым незначительным из моих бед.

Окулист, приятель моих родителей, казалось, потратил чрезмерно много времени, светя мне в уголок глаза ужасно ярким светом. Он задавал множество вопросов о моих головных болях. Это было почти пятнадцать лет тому назад, но я вряд ли смогу когда-нибудь забыть выражение его лица, когда он говорил с моей мамой. Он был так серьезен, так мрачен... так озабочен.

– Я хочу дать Лидии направление в Вашингтонский университет. И немедленно.

Мы с мамой были ошеломлены.

– Хорошо, – согласилась мама, переводя взгляд с меня на доктора Рида и снова на меня. – Есть какая-то проблема?

Он кивнул:

– Мне не нравится то, что я вижу. Думаю, лучше всего будет, если вас осмотрит доктор Уилсон.

Ну, доктор Уилсон не только меня осмотрел. Он просвер-

лил мне череп и удалил злокачественную опухоль мозга. Сейчас я спокойно говорю эти слова, но это была не быстрая или простая процедура, это недели, проведенные в больнице, и ослепляющие, лишаящие последних сил головные боли. После операции я прошла химиотерапию, за ней последовала серия сеансов облучения. Бывали дни, когда даже самый слабый свет был так мучителен, что я изо всех сил старалась не кричать от боли. Дни, когда я считала каждый вздох, борясь за жизнь, потому что, несмотря на все старания, я чувствовала, как она уходит. И все-таки бывали моменты, когда, просыпаясь по утрам, я желала смерти, потому что не могла выдержать и часа этой муки. Я убеждена, что без моего папочки я умерла бы.

Тогда моя голова была обрита наголо, и потом, когда волосы снова начали отрастать, они опять выпали. Я пропустила весь выпускной год, и, когда наконец смогла вернуться в школу, все было совершенно по-другому. Все смотрели на меня по-другому. Я не была на выпускном вечере, потому что никто меня не пригласил. Не которые девчонки предлагали, чтобы я пошла с ними третьей, но из ложной гордости я отказалась. Впоследствии это показалось мне пустяком, совершенно не стоящим беспокойства. Зря я тогда не пошла.

Самым печальным из всей этой истории было то, что именно тогда, когда я уже начала верить, что могу жить нормальной жизнью, — именно тогда, когда я поверила, что все эти лекарства, все эти страдания сослужили добрую службу,

опухоль выросла снова.

Я никогда не забуду того дня, когда доктор Уилсон сообщил, что у меня рецидив рака. Но на этот раз запомнила я не выражение его лица, а боль в глазах моего папы. Он, как никто другой, понимал, через что я прошла во время первого курса лечения. Моя мама не умеет общаться с больными, и именно папа поддерживал меня. Он понимал, что не может ни помочь словом, ни облегчить делом это повторное мое испытание. В то время мне было двадцать четыре года, и я все еще училась в колледже, стараясь набрать как можно больше положительных баллов, чтобы закончить обучение. Диплома я так и не получила. Дважды я пережила рак и определенно теперь не та беззаботная девушка, какой когда-то была. Я ценю и дорожу каждым днем, потому что знаю: жизнь – это большая ценность. Большинство людей считают, что я моложе тридцати лет, но, похоже, они находят меня гораздо серьезней других женщин моего возраста. Пережив рак, я считаю, что ничего нельзя принимать как само собой разумеющееся, и в наименьшей степени саму жизнь. Я больше не встречаю свой каждый день с беззаботностью. Но я узнала, что за мои страдания мне полагается компенсация. Я знаю, что была бы совершенно другим человеком, если бы не рак. Мой папа утверждал, что я обрела некую спокойную мудрость, и, полагаю, так оно и есть. И все-таки во многом я наивна, особенно когда дело касается мужчин и отношений с ними.

Изо всех компенсаций я больше всего благодарна за то, что во время курса лечения я научилась вязать.

Мне удалось справиться с раком дважды, но, к несчастью, мой отец не справился. Его убила моя повторная опухоль. Именно так считает моя сестра Маргарет. В действительности она никогда не говорила ничего подобного, но я знаю, что именно так она и думает. И я подозреваю, что она, по-видимому, права. У отца случился сердечный приступ, но он так сильно сдал после того повторного диагноза, что я уверена, именно моя болезнь угробила его здоровье. Я знала, что, если бы папа мог поменяться со мной местами, он с готовностью сделал бы это.

Папа задерживался у моей постели как можно дольше. И этого, в частности, Маргарет, видимо, не может ни простить, ни забыть – времени и привязанности, которые папа отдавал мне во время моего сурового испытания. Мама – тоже, сколько у нее выдерживали нервы.

Маргарет вышла замуж и стала матерью двоих детей еще до того, как у меня обнаружили повторную опухоль.

Тем не менее она, видимо, почему-то считает себя обманутой из-за моего рака. До сего дня она ведет себя так, будто болезнь была моим выбором.

Само собой разумеется, у нас сестрой натянутые отношения. Ради мамы, особенно когда не стало отца, я старалась поддерживать хорошие отношения с Маргарет. Она не шла мне навстречу. Она так и не может скрыть своего негодова-

ния, не важно, сколько уже лет прошло.

Маргарет была против того, чтобы я открывала магазин, но я искренне сомневаюсь, что она поддержала бы меня в любом другом начинании. Могу поклясться, ее глаза блеснули от перспективы увидеть мой провал. По статистике, большинство новых предпринимателей действительно разоряются – обычно в течение года, – но я все равно чувствую, что магазинчику пряжи нужно дать шанс.

У меня были средства – наследство, которое я получила от бабушки по материнской линии, умершей, когда мне исполнилось двенадцать. Папа мудро инвестировал его, и кое-что я подкопила. Мне следовало бы побереечь деньги, как выражается мама, «на черный день», но с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, каждый день был «черным», и я устала держаться до конца. В глубине души я знаю, папа бы меня одобрил.

Как я уже говорила, я научилась вязать, когда проходила курс химиотерапии. И с годами стала умелой вязальщицей. Папа всегда шутил, что у меня столько пряжи, что ее хватит, чтобы открыть магазин. Недавно я решила, что он прав.

Я люблю вязать. В этом есть утешение, чего я до конца объяснить не могу. Монотонность набирания петель на спицу, а затем провязывание петли дает ощущение цели, достижения, прогресса. Когда весь твой мир рушится, стараешься поддерживать порядок, и я обрела его в вязании. На самом деле я прочитала, что вязание может снимать стресс эффек-

тивнее, чем медитация. И полагаю, для меня это было лучшей попыткой, ведь, когда мы вяжем, мы создаем что-то материальное. Может быть, вязание давало мне ощущение действия, некой деятельности. Я не знала, что готовит для меня завтрашний день, но со спицами в руках и клубком пряжи на коленях была уверена, что смогу справиться со всем, ожидающим меня впереди. Каждая петля была достижением. Бывали дни, когда мне удавалось связать всего лишь один ряд, но я чувствовала удовлетворение от этого маленького достижения. Мне это было не безразлично. Далеко не безразлично.

За эти годы я научила вязать многих людей. Моими первыми учениками были другие раковые больные, проходящие сеанс химиотерапии. Мы встретились в онкоцентре Сиэтла и очень скоро все, в том числе и мужчины, вязали хлопковые мочалки для мытья посуды. Думаю, у каждого врача и медсестры в этой клинике было столько вязаных мочалок для мытья посуды, что их хватило бы на всю оставшуюся жизнь! После мочалок я направила энергию своих начинающих любителей вязания на небольшой вязаный шерстяной платок. Конечно, у меня было несколько неудач, но гораздо больше успехов. Мое терпение было вознаграждено, когда и другие нашли в вязании такое же просветление, что и я.

Теперь у меня собственный магазин, и я думаю, что лучший способ зазвать покупателей на порог, это предложить уроки вязания. Мне никогда не удастся продать достаточно

пряжи, чтобы остаться в бизнесе, если я стану учить вязать мочалки для мытья посуды, поэтому для начала я выбрала простенькое одеяльце для младенца. Узор работы моего любимого дизайнера, Энн Норлинг, и в нем использованы только лицевые и изнаночные петли.

Не знаю, чего ждать от моего нового предприятия, но я полна надежды. Надежда для человека, больного раком, или для человека, который был болен раком, мощней любого лекарства. Мы живем ею, живем ради нее.

Она как наркотик для тех из нас, кто научился радоваться каждому дню.

Я была занята составлением объявления о своих уроках для начинающих, когда зазвенел колокольчик над входной дверью. Вошел мой первый покупатель, и я подняла голову с улыбкой на лице. Затрепетавшее от волнения сердце быстро восстановило былой размеренный ритм, когда я поняла, что это Маргарет.

– Привет, – сказала я, стараясь сделать вид, что рада видеть ее.

Мне не хотелось, чтобы в мое первое утро открытия магазина неожиданно появилась сестра и стала подрывать мою уверенность в себе.

– Мама сказала мне, что ты решила осуществить свою навязчивую идею.

Я не ответила.

Нахмурившись, Маргарет продолжала:

– Я была по соседству и решила зайти и взглянуть на твой магазин.

Я сделала неопределенный жест и задала вопрос, ненавидя себя за это:

– И что ты об этом думаешь?

Я не дала себе труда упомянуть, что Цветочная улица была совсем ей не по пути.

– Почему ты назвала магазин «Путеводная нить»?

Я перебрала дюжину названий магазинов – некоторые чересчур привлекательны, некоторые незамысловаты и заурядны. Мне нравится мысль о «путеводной нити» и о том, что в сказках путь обычно указывает клубок ниток, а мне сейчас как никогда важно выбрать верный путь в жизни. А еще мне нравится слушать жизненные истории, делить с людьми их переживания. Полагаю, это еще одно качество, приобретенное после пребывания в клинике. «Путеводная нить» показалось теплым и привлекательным названием. Но я не стала объяснять этого Маргарет.

– Хотела, чтобы мои покупатели знали, что я продаю качественную пряжу.

Маргарет пожала плечами, будто видела дюжину магазинов принадлежностей для вязания с более впечатляющими названиями, чем у моего.

– Ну, – спросила я, несмотря на свое решение не задавать больше никаких вопросов, – и что ты об этом думаешь?

Маргарет осмотрела магазин во второй раз, хотя после ее

первого осмотра никаких изменений произойти не могло.

– Лучше, чем я ожидала.

Я сочла это высокой похвалой.

– У меня пока не слишком разнообразный товар, но я надеюсь расширить ассортимент до следующего года. Конечно, доставлена еще не вся заказанная мной пряжа. И я еще планирую достать замечательную импортную шерсть из Ирландии и Австралии. Но на все нужно время... и деньги.

В энтузиазме я сказала больше, чем хотела.

– Ждешь, что мама будет тебе помогать?

Вопрос был прямой. Я покачала головой:

– Не беспокойся. Я делаю это на собственные средства.

Так вот в чем причина этого ее неожиданного визита. Маргарет думает, что я собираюсь воспользоваться деньгами нашей матери. Я не собираюсь, и вопрос обидел меня, поэтому я сердито огрызнулась. Маргарет смотрела на меня, словно сомневалась, говорю ли я правду.

– Я продала свои акции компании «Майкрософт», – призналась я.

Глубокие карие глаза Маргарет, так похожие на мои, увеличались почти вдвое в ужасе от того, что я сделала.

– Не может быть!

Что, интересно, моя сестрица себе думает? Необходимая наличность лежит у меня в нижнем ящике комода?

– Мне пришлось это сделать.

Принимая во внимание историю моей болезни, ни один

банк не даст мне ссуду. Хотя прошло уже несколько лет, как я оправилась от рака, меня все еще причисляют к зоне риска почти в любом отношении.

– Ну что ж, это твои деньги. – То, как Маргарет сказала это, подразумевало, что я приняла ужасное решение. – Но не думаю, что папа одобрил бы это.

– Он первый поддержал бы меня.

Мне следовало бы держать рот на замке, но я уже не могла остановиться.

– Ты, вероятно, права, – сказала Маргарет с ехидством, без которого нельзя было обойтись в наших с ней разговорах. – Отец не мог тебе ни в чем отказать.

– Деньги – это мое наследство, – объяснила я. Я полагаю, ее доля все еще приносит ей прибыль. Моя сестрица расхаживала по магазину, критически все осматривая. Принимая во внимание явную неприязнь Маргарет ко мне, не знаю, почему мне так важны наши с ней отношения, но это так. Здоровье у мамы хрупкое, и она никак не привыкнет жить без отца. Боюсь, скоро мы с Маргарет останемся одни. Мысль о перспективе остаться совсем без родных приводит меня в ужас.

Я так благодарна, что ничего не знаю о том, что готовит мне будущее. Однажды я спросила отца, почему Бог не даст нам знать, что принесет нам завтра. Отец ответил, что в действительности незнание своего будущего – это дар Божий, ведь знай мы, что нас ждет, не стали бы брать на себя ответ-

ственность за свою жизнь, за свое счастье. И как во многих других жизненных вопросах, мой отец был прав.

– И каков твой бизнес-план? – осведомилась Маргарет.

– Я... я начинаю с малого.

– И как насчет покупателей?

– Я заплатила за объявление в «Желтых страницах». Я не упомянула, что новый телефонный справочник выйдет через пару месяцев. Нет необходимости давать в руки Маргарет оружие. К тому же я развесила объявления по соседству, но не знаю, насколько эффективными они могут оказаться. Я рассчитывала на то, что весть об открытии моего магазина вызовет интерес у покупателей и в конечном итоге рост продаж. Но и об этом я тоже не стала говорить.

Моя старшая сестра хихикнула. Я всегда ненавидела этот глумливый звук, и мне пришлось стиснуть зубы до скрипа, чтобы не показать свою реакцию.

– Я как раз собиралась вывесить объявление о своем первом уроке вязания.

– И ты серьезно думаешь, что рукописное объявление в витрине привлечет людей в твой магазин? – требовательно спросила Маргарет. – Здесь не парковка, а ночной кошмар какой-то! И даже когда движение по улице снова откроют, нельзя ожидать, что по этой строительной грязи будет большое движение.

– Нет, но...

– Я желаю тебе добра, однако...

– Неужели? – спросила я, прерывая ее.

У меня тряслись руки, когда я подошла к витрине и прикрепила свое объявление об уроках вязания.

– И что все это должно означать?

Я повернулась лицом к сестре, которая при своем росте пять футов шесть дюймов была на добрых три дюйма выше меня. К тому же она весила на двадцать фунтов больше. Интересно, глядя на нас теперь, может ли посторонний догадаться, что мы родственники? Ведь даже в детстве мы были не сильно похожи.

– Я думаю, ты желаешь мне провала, – честно призналась я.

– Неправда! Я пришла сегодня утром, потому что... потому что мне интересно то, чем ты занимаешься.

Она подняла подбородок так, что стала видна ямочка, будто подталкивающая меня бросить ей вызов снова.

– Сколько тебе лет? Двадцать девять? Тридцать?

– Тридцать.

– Не пора ли уже отрезать пуповину?

Это была явная несправедливость.

– Именно это я и пыталась сделать, когда оставила материнский дом и сняла квартиру. К тому же я начинаю собственное дело, и ценю твою поддержку.

Она развела руками:

– Ты хочешь, чтобы я покупала у тебя пряжу? Этого ты хочешь? Ты же знаешь, я не вяжу и не имею ни малейшего

желания учиться, я предпочитаю вышивать. И...

— Не могла бы ты, — сказала я, прерывая ее во второй раз, — подумать и сказать мне что-нибудь приятное?

Я молча ждала, моля ее найти в сердце, по крайней мере, хоть символическое слово одобрения.

Моя просьба оказалась для Маргарет неразрешимой задачей. Она колебалась несколько секунд.

— У тебя хорошее чувство цвета, — сказала она наконец.

Она указала на выставку мотков пряжи, которую я устроила на столике у двери.

— Спасибо, — произнесла я в ответ, надеясь, что говорю вежливо.

Я не упомянула, что пользовалась палитрой цветов для создания выставки. Хотя Маргарет и было нелегко сказать мне слово похвалы, я действительно не собиралась предоставлять ей возможность свести ее на нет.

Будь мы ближе, я рассказала бы ей настоящую причину, по которой я решила открыть магазин пряжи. Этот магазинчик был моей аффимацией на жизнь. Я хотела вложить в дело все, что у меня было, чтобы преуспеть. Подобно викингу-завоевателю, который сошел на берег и сжег свои корабли, я основала свое дело. Преуспеть или разориться.

Как сказал бы мой отец, я беру на себя ответственность за будущее, предвидеть которого не могу.

Колокольчик над входной дверью зазвенел снова. У меня покупатель! Мой первый *настоящий* покупатель.

Глава 2

ЖАКЛИН ДОНОВАН

Перебранка со своим женатым сыном огорчила Жаклин Донован. Она честно старалась не проявлять негативного отношения к невестке. Но когда Поль позвонил, чтобы сообщить ей, что Тэмми Ли на шестом месяце беременности, Жаклин вышла из себя и наговорила много лишнего. Поль повесил трубку на полуслове.

В довершение всего вскоре после этого позвонил ее муж и попросил завести светокопии чертежей на стройку на Цветочной улице. Не в силах выбросить из головы ссору с Полем, она призналась, что была несдержанна, и теперь Ризи тоже расстроился. По правде говоря, ее не особенно заботило то, что думает муж, но Поль — ее единственный ребенок... Ну, это совсем другая история.

Ощущая тревогу и уныние, Жаклин съехала к стройплощадке и потратила двадцать минут в поисках места для парковки. Не приходится и говорить, что место, которое она нашла, располагалось на довольно большом расстоянии ниже по улице, за жалким магазинчиком, торгующим видео. Захватив синьки, она пробиралась через строительный мусор, бранясь про себя. Не хватало еще позволить Ризи испортить ей целый день!

– Принесла чертежи?

Муж Жаклин с тридцатитрехлетним стажем вышел из трейлера, чтобы встретить ее на подходе к стройке. Жаклин перешагнула через железные трубы, стараясь не запачкать и не испортить туфли от Феррагамо на высоких каблуках. Архитектурная фирма ее мужа «Донован и Грэй» осуществляла реконструкцию. Одетый в костюм из магазина братьев Брукс и каску, Ризи, несмотря на свои пятьдесят девять лет, все еще был красавцем.

Жаклин вручила ему трубку свернутых чертежей. Ризи не имел обыкновения просить Жаклин о чем-нибудь, и это прекрасно ее устраивало. Он унес синьки в трейлер и повернулся к ней с порога.

– Я беспокоюсь за Поля, – сказала она, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Ризи устало пожал плечами. Он задерживался на работе допоздна, и Жаклин делала вид, что все время, которое он проводил вне дома, связано с его бизнесом. На самом деле она знала, что это не так. Поэтому если он и устал, она определенно не станет ему сочувствовать.

Ради Поля и Жаклин и Ризи старались внешне сохранять приличия, но их брак не был счастливым уже на протяжении нескольких лет. У Ризи своя жизнь, у нее – своя. Они не спали вместе с тех пор, как Поль закончил колледж двенадцать лет назад. У них было очень мало общего, кроме любви к сыну.

– Итак, Тэмми Ли беременна, – сказал Ризи, не обращая внимания на ее огорчение.

Жаклин кивнула:

– Очевидно, Тэмми Ли слишком плодовита, как я и подозревала.

Ризи нахмурился, он не одобрял ее вполне естественной настороженности в отношении жены Поля. Но они практически ничего не знают о ее семье. Та малость, что Жаклин разузнала из рассказов девушки о ее многочисленных тетюшках, дядюшках и бог знает скольких двоюродных братьях и сестрах, мягко выражаясь, приводила ее в уныние.

Звук работающего подъемного крана на мгновение отвлек внимание Ризи, и, когда он перевел взгляд на жену, снова хмурился.

– Ты огорчена?

– Брось, Ризи! А как я, по-твоему, должна реагировать?

– Как женщина, которая вот-вот станет бабушкой в первый раз.

Жаклин скрестила на груди руки.

– Что касается меня, я не в восторге. Несколько ближайших ее подруг, мнением которых она дорожила, находили удовольствие в своем новом статусе бабушек, но Жаклин сомневалась, что сумеет приспособиться к этому новому статусу так же гладко, как ее подруги.

– Джеки, это же наш внук.

– Мне следовало бы знать, что тебе ничего нельзя гово-

ритель, — сказала она со злостью.

Жаклин и не сказала бы, если бы не размолвка с Полем. Она всегда была близка со своим сыном. Только из-за него она до сих пор пребывала в этом почти формальном браке. Сын воплотил в себе все ее надежды: красивый, умный, успешный и так далее и тому подобное. Он вошел в банковский бизнес и быстро поднимался по карьерной лестнице, однако год назад совершил нечто, что совсем не в его характере, — женился не на той женщине.

— Ты не дала Тэмми Ли шанса, — настаивал Ризи.

— Это абсолютно несправедливо.

К ужасу Жаклин, ее голос дрожал от гнева. Она из последних сил старалась поддерживать с Тэмми Ли хорошие отношения. Никогда в жизни Жаклин не сможет понять, почему ее такой рассудительный сын женился на иностранке, на этой... этой девочке с болот, когда столько дочерей ее подруг проявляли к нему интерес. Поль называл Тэмми Ли своей южной красоткой, но Жаклин видела в ней лишь деревенскую девчонку.

— Я взяла ее на ленч в загородный клуб. Никогда в жизни меня так не унижали. Я представила ее Мэри Джеймс, и не успела оглянуться, как Тэмми Ли принялась обсуждать рецепт маринованных свиных ножек или что-то в этом духе с президентом женской ассоциации.

Жаклин потребовалась не одна неделя, чтобы набраться храбрости снова смотреть в лицо своей подруге.

– А разве Мэри не отвечает за кулинарную книгу?

Вполне естественно, что они могли...

– Последнее, что я от тебя хотела, так это чтобы и ты меня критиковал! – выпалила Жаклин.

Без толку пытаться что-либо объяснить Ризи. Они больше не могут разговаривать, не переходя на личности. Кроме того, строительная пыль портила ее макияж, а ветер играл волосами, уложенными в тугий узел на шее. Впрочем, Ризи все равно. Внешность важна, но он не ценил усилий, которые она затрачивала, чтобы поддерживать свое физическое состояние. Он и представления не имел, чего ей это стоило. Жаклин уже исполнилось пятьдесят пять, а чтобы скрыть старческие морщины, требуется определенное искусство.

Ризи чуть повысил голос:

– И что же именно ты сказала Полю?

Жаклин расправила плечи в попытке сохранить достоинство.

– Только то, что я советовала ему немного подождать, прежде чем заводить семью.

Муж предложил ей руку, чтобы помочь подняться в строительный трейлер.

– Входи внутрь.

Жаклин проигнорировала его жест помощи и поднялась в трейлер самостоятельно. Хотя Ризи постоянно посещал свои стройки, она находилась внутри такого трейлера в первый раз. Жаклин огляделась. Разбросанные повсюду синьки, пу-

стые кофейные чашки... Это место походило на свинарник.

– Лучше расскажи мне все.

Ризи налил кофе и молча протянул ей чашку. Она отказалась, покачав головой, опасаясь, что чашки не мыли неделями.

– Почему ты считаешь, что я сказала лишнее? – спросила она.

– Потому что хорошо тебя знаю.

– Большое тебе спасибо!

У нее перехватило горло, но она отказывалась показать ему, как сильно задета его упрёком.

– Хуже того, Тэмми Ли беременна. Уже почти шесть месяцев. Естественно, у Поля имеется подходящая отговорка, почему он не сообщил нам. Он сказал, что они не хотели ничего говорить до тех пор, пока не убедятся, что беременность протекает нормально.

– А ты ему не веришь? – Ризи скрестил на груди руки и привалился к дверному косяку.

– Конечно нет. Люди обычно ждут три месяца, прежде чем поделиться своей *хорошей новостью*, – сказала она с сарказмом, – но шесть?.. Мы с тобой оба знаем, что он откладывал, потому что знал о моих чувствах. Я с самого начала говорила и скажу опять, этот брак – очень большая ошибка.

– Ну, это слишком, Джеки...

– А что еще я должна думать? Поль едет в командировку в Новый Орлеан и знакомится с этой девкой в баре.

– Они оба были на конференции по финансам и познакомились вечером на фуршете.

Почему Ризи всегда вспоминает никому не нужные подробности?

– Они пробыли вместе всего три дня. И мы узнаем, что он женился на девушке, которую ни ты, ни я ни разу в глаза не видели.

– Тут я с тобой согласен, – уступил Ризи. – Мне бы хотелось, чтобы Поль сказал нам, но ведь уже год прошел...

Жаклин до сих пор огорчало, что у ее сына не было пышной свадьбы в церкви, какую она всегда себе представляла. Жаклин чувствовала, что именно такой свадьбы достоин Поль – вернее, *она* достойна. А ее не пригласили даже на бракосочетание.

Этой темы она особенно не хотела касаться вновь. Единственным оправданием ее сына было то, что он влюбился и не мог жить без Тэмми Ли больше, чем было необходимо. Вот такие веские причины он им представил, но у Жаклин были свои резоны. Поль должен был знать, что она не обрадуется, понимать, что его новые родственники – страшное недоразумение. Она могла вообразить свадьбу, какую справило семейство Тэмми Ли. Угощение на приеме, вероятно, состояло из овощной запеканки на свином сале и замороженного кремового полена «Хостис твинклз» вместо свадебного торта.

– Тэмми Ли забеременела, не прошло и шести месяцев

после свадьбы!

Она не могла скрыть своего презрения.

– Полю уже за тридцать, Жаклин. – Ризи бросил на жену укоризненный взгляд, который она всегда ненавидела.

– Достаточно взрослый, чтобы знать, как предохраняться от ненужной беременности, – огрызнулась она.

Поль сообщил ей эту новость тем же способом, что и уведомил о свадьбе: по телефону, безо всякого предварительного вступления.

– Он говорил мне, что хочет семью, – пробормотал Ризи.

– Но не так быстро, – выпалила Жаклин. Говорить с Ризи просто невозможно. Похоже, ему все равно, что Поль женился, не посоветовавшись с ним. Ее невестка была далека от идеала женщины, которую она представляла себе рядом со своим сыном. Жаклин честно пыталась принять Тэмми Ли в семью, но не могла вынести ее больше нескольких минут. Ее внешняя привлекательность и неискреннее южное обаяние просто ошеломили ее.

– Но Поль ведь рад, что у него будет ребенок, не так ли?

Жаклин оперлась о стол и кивнула.

– Он в восторге, – буркнула она, – или просто так говорит...

– Тогда в чем проблема?

– Он... кажется, он не думает, что из меня получится хорошая бабушка.

Ризи сощурил глаза.

– Что ты ему сказала?

– О, Ризи, – заговорила она, ощущая страх, – я просто не сдержалась. Я сказала ему, что он совершил ужасную ошибку, женившись на Тэмми Ли, и что эта ее беременность все осложняет.

Она допускала, что Поль сбился с пути на год-два, но потом он осознает свою ошибку и изящно распрощается с женой. Ребенок делает это все менее и менее вероятным.

– Ты ведь не сказала этого Полю, верно? – В голосе Ризи слышалась ярость, но это лишь заставило Жаклин энергичнее защищаться.

– Мне нужно было промолчать, я понимаю, но разве меня можно винить в несдержанности? Не успела я свыкнуться с тем, что наш единственный сын сбежал с иностранкой, как он вываливает на меня новость о ее беременности.

– Но ведь это хорошая новость.

– Ничего хорошего!

– Для нашего сына и Тэмми Ли – очень даже хорошая.

– Это другое дело! – взвилась Жаклин. – И почему эти южные девушки всегда имеют два имени? Почему мы не можем называть ее Тэмми без Ли?

– Таково ее имя, Жаклин.

– Но это смешно!

Ризи посмотрел на нее изучающе, будто видел в первый раз.

– Почему ты так сердишься?

– Потому что боюсь потерять сына.

Поль и ее близкие с ним отношения были единственным утешением Жаклин в жизни, которая доставляла ей мало радости. Теперь она сделала глупость и обидела своего сына.

– Позвони ему и извинись.

– Как раз собираюсь это сделать, – ответила она.

– Можешь заказать цветы для Тэмми Ли.

– Закажу.

Но этот жест примирения будет только для Поля, а не для его жены.

– Почему бы тебе не зайти в магазин цветов на Цветочной улице?

Жаклин кивнула:

– Кроме этого, я еще кое-что планирую... Жаклин молилась, чтобы этого было достаточно. Она надеялась, что ее сын поймет ее попытку принять его жену.

– И что же?

– Я видела объявление в витрине нового магазина вязальных принадлежностей. Я собираюсь записаться на уроки вязания. В объявлении сказано, что мы начнем учиться вязать с детского одеяльца.

Ризи так редко одобрял сказанное Жаклин, что теплота его улыбки тронула ее до глубины души.

– Пусть мне не нравится Тэмми Ли, но я стану самой лучшей бабушкой.

Кто-то должен оказывать хорошее влияние на ребенка По-

ля. В противном случае ее внук будет расти, питаясь замороженными овощами. Или пойдет по жизни, как Бубба Донован...

Глава 3

КЭРОЛ ЖИРАР

Кэрол Жирар и представить себе не могла, что забеременеть будет так трудно. Очевидно, ее мать не имела таких проблем, Кэрол и ее брат Рик родились с разницей в два года.

Прежде чем пожениться, Дуг и Кэрол вели разговоры о том, чтобы в один прекрасный день завести семью. Из-за ее напряженной работы в государственной брокерской фирме он хотел удостовериться, что она столь же заинтересована в семейной жизни, сколь и он. Дуг спросил, хочет ли она на несколько лет отказаться от своей карьеры, чтобы родить детей. Ответом было безоговорочное «да». Дети были ее предназначением. Она всегда представляла себя матерью, всегда считала детишек «важной частью собственной жизни». Дуг будет замечательным отцом, а она глубоко и страстно любила мужа. И хотела иметь от него детей.

Разогревая в микроволновке обед, Кэрол обвела взглядом кухню своей квартиры на семнадцатом этаже кооперативного дома с видом на залив Пьюджет-Саунд. Она оставила свою работу всего месяц назад, но уже чувствовала тревогу и раздражение. Она ушла из брокерской фирмы с единственным намерением дать своему телу расслабиться, отдохнуть, отойти от каждодневных забот. Дуг был убежден, что свя-

заный с работой стресс стал причиной того, что она никак не могла забеременеть, и ее гинеколог не исключал такую возможность. Море унижительных тестов, как для нее, так и для Дуга, выявили, что кроме возраста, тридцать семь лет, ей придется бороться с тем, что называется АСА, – антителами против спермы.

Раздался телефонный звонок, и Кэрол бросилась к телефону, схватив трубку до того, как он прозвонил еще раз.

– Алло, – сказала она весело, горя желанием поговорить хоть с кем-то, будь то даже агент продаж.

– Привет, милая. Я просто хотел узнать, дома ли ты еще.

В то же мгновение на нее накатил приступ паники.

– А что, я уже должна где-то быть?

Дуг хихикнул.

– Мне казалось, ты собираешься днем на прогулку. Именно это рекомендовала одна книга, которую они прочли вместе. Кэрол решила, что ей требуется больше физических нагрузок, и теперь, когда она оставила работу, у нее появилась масса возможностей проводить время на свежем воздухе. Это было частью программы, которую они с Дугом обговорили и приняли до того, как она оставила работу.

– Верно. Я как раз и собиралась выходить.

Кэрол бросила взгляд на микроволновку и повернулась спиной к ожидающему ее обеду.

– Кэрол? С тобой все в порядке?

Муж угадал ее настроение – депрессию и тревогу. Дуг

был прав, когда предложил ей бросить работу. Они оба боялись, что она не сможет выносить ребенка полный срок, тогда как у них осталась всего одна попытка зачатия в пробирке, что не внушало большого оптимизма. Страховая компания, где работал Дуг, имела центральный офис в Иллинойсе, а по законам этого штата страховой полис компании покрывает всего три попытки. Первые две оказались неудачными. Искусственное оплодотворение, оплодотворение в пробирке было последним словом в технологии искусственного оплодотворения, последней процедурой, которую могли предложить клиники акушерства и гинекологии. В июле будет их последняя попытка, и после нее они могли рассчитывать лишь на собственные деньги. В самом начале они решили ограничиться тремя попытками оплодотворения. Если Кэрол после этого не забеременеет, они начнут процесс усыновления. Вероятно, это было мудрое решение. Эмоциональное опустошение после двух неудач доказывало, что она не в состоянии выносить эту процедуру бесконечно. Дважды ей имплантировали оплодотворенную яйцеклетку, и дважды у нее случился выкидыш.

Кэрол и Дуг никогда не говорили, что эта третья попытка зачатия в пробирке могла положить конец их надеждам, но они не могли выбросить этот факт из головы, было жизненно необходимо, чтобы она зачала – и выносила ребенка на этот раз.

Кэрол готова отдать за это все, что у нее было, – бросить

любимую работу, вытерпеть, чтобы в нее залезали, протыкали, кололи и унижали. Она готова была победить все сомнения, противостоять эмоциональным взлетам и падениям в их попытке зачать – все ради ребенка. Ребенка от Дуга.

– Я люблю тебя, дорогая.

– Я знаю, милый.

Хотя Кэрол сказала это небрежно, она действительно это знала. Дуг все это время находился рядом с ней, прошел через все – визиты к врачам, анализы, слезы, отчаяние, гнев и печаль.

– Однажды ты будешь держать на руках нашего ребенка, и мы оба знаем, что за это побороться стоило.

Они уже выбрали имена. Камерон – для мальчика и Коллин – для девочки. В воображении Кэрол рисовала себе своего ребенка, ощущала его у себя на руках, видела радость в глазах мужа.

Кэрол держалась за эту мечту, и образ младенца на руках помогал ей вынести все трудности зачатия в пробирке.

– Во сколько ты будешь дома?

Прежде Кэрол это никогда не волновало, но теперь она строила собственную жизнь, соразмеряясь с графиком мужа. От его распорядка дня зависел ее режим, и его возвращение из офиса было самым светлым пятном ее дня. Каждый день она по несколько раз сверялась с наручными часами, вычисляя, сколько часов, а затем и минут остается до того, как Дуг придет домой.

– Как обычно, – пообещал он.

Ее муж вот уже семь лет работал клерком в страховой компании. Кэрол зарабатывала больше его, именно ее доход предоставил им возможность сделать значительный первый взнос за кооператив. Когда они поженились, ее мудрый и экономный муж настоял, чтобы они соизмеряли свой стиль жизни только с его доходом. Он опасался, что в противном случае им придется положиться на ее зарплату и отложить образование полноценной семьи на потом. Они выждали после свадьбы три года, делая сбережения. Это было хорошо, потому что даже со страховкой стоимость лечения от бесплодия была ошеломительной. А теперь, когда она не работает...

– Я тебе уже говорила, как отвратительно дневное телевидение? – спросила Кэрол.

– Вырубай ящик и отправляйся на прогулку.

– Да, сэр, – по-военному ответила она. Дуг рассмеялся.

– Неужели я так плох?

– Нет. Просто сидеть дома – совсем не то, что ты думаешь.

Домашняя жизнь не предполагала бесконечных часов скуки, отчаянных поисков, чем бы себя занять, пока Дуг не вернется домой. Она привыкла к частым совещаниям, к принятию решений, вызывающих всплеск адреналина, к постоянной занятости. Пребывание дома давало совершенно новые ощущения, и они ей совсем не нравились.

– Хочешь, я позвоню позже?

– Нет, я буду в порядке. Ты прав. Мне нужно выйти на улицу. День сегодня славный.

Нет места на земле красивее Сиэтла, когда светит солнце. Стоял прекрасный майский день, и Кэрол всматривалась в снежные вершины Олимпийских гор вдалеке, сине-зеленые воды залива Пьюджет-Саунд внизу.

– Увидимся в половине шестого, – сказал Дуг.

– Я буду дома.

Кэрол положила свой обед в холодильник и схватила яблоко по пути к двери. Они прожили в этом кооперативном доме четыре года, но она до сих пор не знала своих соседей. Они были чрезвычайно мобильными людьми, совсем как они с Дугом, и мужья и жены работали допоздна. Лишь немногие имели детей, и малышей рано по утрам отвозили в супердорогие дневные центры ухода за детьми.

Кэрол спустилась в пустом лифте в фойе и направилась через двойные стеклянные двери к боковой дорожке, ведущей в деловой центр города. Жуя яблоко, она быстро шла по направлению к порту, понимая, что, по крайней мере, одного повода для страха у нее нет.

Все женщины в офисе, естественно, предостерегали ее, когда узнали, что она уходит. Пошли разговоры о том, что жены и мамочки, которые сидят дома, постоянно борются с лишним весом. По словам ее бывших коллег, постоянно находясь на кухне рядом с едой, невозможно сохранить тонкую талию. Для Кэрол это не было проблемой. Никогда в жизни

она не ела с таким аппетитом. Диета не входила в ее новый режим, но ей удавалось поддерживать свой восьмой размер одежды безо всяких усилий.

Пока она шагала своим обычным маршрутом, с залива подул холодный ветер. Затем она, неожиданно для себя, направилась на восток, поднимаясь к Пилл-Хилл, где располагались больница Вирджинии Мейсон и Шведский госпиталь. Она тяжело дышала, совершая крутой подъем, замедлила шаг и неспешно прошла несколько кварталов, глядя по сторонам и рассматривая незнакомые окрестности, пока не попала на Цветочную улицу.

Ряд зданий ремонтировали. Улица была перекрыта, но тротуар оказался свободным. Работы на одной стороне улицы, видимо, завершились, фасады магазинов радовали свежей краской, а над магазином цветов были зеленые с белыми полосками маркизы. Букеты тюльпанов и лилий красовались снаружи у входной двери.

Не обращая внимания на резкие металлические звуки и шум стройки, Кэрол отважилась пройти вниз по улице. Видеопрокат и удручающего вида кирпичный многоквартирный дом располагались в конце квартала, а через дорогу находился небольшой ресторанчик под названием «У Энни». Контраст между старым и новым был поразительный. Обновленная часть улицы напоминала причудливый небольшой городок с дружелюбными торговцами, прямо как в телесериалах. Некоторые из строений были немного запущен-

ными, но, несмотря на это, они казались приветливыми. Никогда не скажешь, что Цветочная улица находилась на расстоянии менее мили от сердца делового центра Сиэтла с его высотными зданиями и переполненными улицами.

Рядом с цветочным магазином оказался еще один сюрприз – магазинчик, где продавалась пряжа! Магазинчик был новый, судя по объявлению об открытии, набранному на компьютере. Внутри в кресле-качалке сидела женщина, приблизительно ее возраста, со спицами в руках. Большой клубок пряжи цвета зеленой липы лежал у нее на коленях.

Кэрол вошла в дверь. Ее приветствовал приятный звон.

– Здравствуйте, – сказала она, стараясь казаться веселой и заинтересованной.

Кэрол не знала, что привело ее в этот магазинчик, поскольку не умела вязать и не отличалась особой склонностью к рукоделию.

Маленькая женщина приветствовала ее с застенчивой улыбкой:

– Здравствуйте, и добро пожаловать в «Путеводную нить».

– Вы здесь недавно, не так ли?

Хозяйка магазинчика кивнула:

– Я открылась вчера, и вы моя первая покупательница сегодня днем. – Она тихонько засмеялась и поправилась: – Первая покупательница сегодня.

– Что вы вяжете? – спросила Кэрол, чувствуя себя немно-

го виноватой, потому что не собиралась ничего покупать.

– Свитер своей племяннице. – Женщина взяла в руки вязанье и протянула его Кэрол, чтобы та могла его хорошенько рассмотреть.

Расцветка – липовый-зеленый, оранжевый и бирюзовый – сразу же вызвала улыбку на лице Кэрол.

– Как красиво!

– Вы вяжете? – последовал неизбежный вопрос.

– Нет, но хотелось бы научиться.

– Тогда вам сюда. В следующую пятницу я начинаю уроки вязания для начинающих. Если вы запишетесь на уроки, то получите двадцатипроцентную скидку на покупку пряжи.

– Не думаю, что когда-нибудь смогу научиться вязать.

Кэрол почувствовала искреннее сожаление, но она была не из тех женщин, кто находит утешение в рукоделии. Расчет сложных процентов и исчисление ежегодной ренты, подсчет инвестиций и взаимных фондов – вот в чем заключалось ее мастерство.

– Вы никогда этого не узнаете, если не попытаетесь. Между прочим, я Лидия.

– Кэрол.

Она протянула руку, и Лидия отложила вязанье, чтобы тепло ее пожать. Лидия была невысокой и изящной, с темными, коротко подстриженными волосами. Ее карие глаза светились умом, и Кэрол она сразу понравилась.

– Я начинаю уроки с очень простого образца, – продолжа-

ла Лидия.

– Это было бы и в самом деле просто, если бы я взялась за вязание.

– Я подумала, что предложу всем связать одеяльце для младенца.

Кэрол замерла, и у нее на глаза навернулись слезы. Она отвернулась, чтобы Лидия не заметила. При обычных обстоятельствах она не испытывала резких перемен настроения, но ее эмоции вышли из-под контроля от инъекций гормонов. Это было слишком странно, чтобы быть простым совпадением.

– Может быть, я и в самом деле запишусь на уроки, – сказала она, дотрагиваясь пальцами до ярко-желтого мотка пряжи.

– Это будет здорово.

Лидия подошла к прилавку и взяла планшет.

В эти дни Кэрол повсюду искала знаки и знамения, и она частенько разговаривала с Богом. Она не сомневалась, что была послана в этот магазинчик. Так Он давал ей знать, что собирается ответить на ее молитвы. Когда она отправится для искусственного оплодотворения в третий и последний раз, все сложится удачно. В не столь далеком будущем ей понадобится одеяльце для ее малыша.

Глава 4

АЛИКС ТАУНСЕНД

Аликс Таунсенд раздавила сигаретный окурок на потрескавшемся цементном тротуаре мыском черного солдатского сапога, достигающего до колена. Управляющий видеопрокатом на Цветочной улице косо смотрел на работников, курящих в комнате для отдыха, и, не желая выслушивать его ехидные комментарии, она предпочла курить на улице. Он был занудой, во всяком случае, постоянно жаловался на персонал, экономику и на жизнь вообще.

Фунд Ллойд был прав в одном: вся эта стройка убивает торговлю. Аликс считала, что получит уведомление об увольнении, это только дело времени, а за ним последует известие, что дом, где она сейчас живет, пошел с молотка. Со всеми переменами, происходящими по соседству, это неизбежно. Либо так, либо ей придется заниматься утомительными поисками сдающегося в аренду жилья. Большое спасибо, господин мэр.

Аликс спрятала руки в рукава черной кожаной куртки и устояла на пыль и мусор в конце улицы. Она носила кожаную куртку и в дождь и в снег, и летом и зимой. Эта куртка стоила ей кругленькую сумму, и она не расставалась с ней, чтобы кое-кто не приделал ее любимой одежде ноги. Кое-

кто, похожий на ее соседку по комнате, толстуху Лорел, хотя сомнительно, чтобы что-нибудь из вещей Аликс подошло той по размеру. Прислонившись к зданию и уперев согнутую ногу в стену, она сосредоточила внимание на противоположной стороне улицы.

Все фасады магазинов были свежевыкрашены. Новый магазин цветов уже открылся, да и салон красоты тоже. Это настоящее благо для всей округи – как будто она когда-нибудь пользовалась салоном красоты. Магазины, находящиеся между ними, оставались загадкой. «Путеводная нить». Это либо книжная лавка, либо магазин принадлежностей для вязания. Аликс сомневалась, что в этом районе и тот и другой смогут долго продержаться. При ближайшем рассмотрении она решила, что это все-таки магазинчик вязальных принадлежностей. Люди, проживающие в ее доме, не из тех, кто поведется на моток пряжи.

Однако магазинчик принадлежностей для вязания и в самом деле открывает для нее интересную перспективу. До конца перерыва оставалось еще пять минут, и Аликс перешла улицу. Она заглянула в витрину и увидела самодельное объявление, предлагающее уроки вязания. Если она начнет вязать, то, может быть, сумеет как-то выкрутиться с часами общественно полезного труда, которые ей впалял судья Рупер.

– Приветик, – сказала Аликс басом, входя в дверь. Ей нравилось производить на людей впечатление.

– Здравствуйте.

Хозяйка оказалась изящной женщиной хрупкого телосложения с большими карими глазами и легкой улыбкой.

– Вы владелица этого магазина? – спросила Аликс, бросив на женщину презрительный взгляд. Не может быть, чтобы она была много старше Аликс.

– Этот магазин действительно принадлежит мне. – Женщина поднялась из своего кресла-качалки. – Чем могу помочь?

– Хочу узнать про уроки вязания. Представительница социальной службы однажды предложила ей вязание как способ справляться со своим гневом. Возможно, это сработает. А если одновременно ей удастся еще и покрыть свои обязательства отработать определенное количество часов на благо общества...

– И что мне вам рассказать?

Аликс, сунув руки в карманы куртки, принялась медленно обходить магазин. Можно поспорить, у этой дамы с вязанием не много клиентов, таких как Аликс. Не так давно Аликс обратила внимание на объявление в здании суда – что-то насчет самодельных стеганых одеял и шерстяных пледов для детей, подвергавшихся домашнему насилию.

– Вы когда-нибудь слышали о проекте Лайнус? – спросила она, подумав, что эта дама с вязаньем, по всей видимости, ни разу за всю жизнь не была в здании суда.

– Конечно. – Женщина скрестила на груди руки и следо-

вала за Аликс, словно опасалась, что та может украсть моток пряжи. – Этот инициированный полицией проект включает и вязание изделий для детей, ставших жертвами насилия.

Аликс пожала плечами, словно эта мысль пришла ей в голову совершенно случайно.

– Я тоже это слыхала.

– Между прочим, я Лидия.

– Аликс. Через «и».

Она не ожидала, что ей придется познакомиться с этой женщиной, ну да ничего.

– Здравствуйте, Аликс, и добро пожаловать в «Путеводную нить». Вас интересует вязание для проекта Лайнус?

– Ну... – ее мысли по этому вопросу были довольно смутными, – возможно, если бы я умела вязать, – пробормотала она в конце концов.

– Для этого и существуют уроки. Аликс издала короткий, горький смешок.

– Уверена, у меня ничего не получится.

– А вы хотите научиться вязать? Это не трудно. Она фыркнула, сделав вид, что ей смешно. По правде говоря, Аликс понятия не имела, зачем пришла сюда.

Возможно, из-за чего-то из ее детства, какого-то вспомнившегося ей момента или ощущения. Годы ее раннего детства были заблокированы в памяти. Врачи, назначенные судом, говорили, что она страдает ретроградной амнезией. Однако время от времени в ее мозгу вспыхивали какие-то ми-

молетные воспоминания. В большинстве случаев она не знала, что происходило в действительности, а что – нет. Она помнила наверняка только то, что ее родители ссорились и дрались довольно часто. Разгоралась ссора, и Аликс пряталась в шкаф в своей спальне. При закрытой дверце и с закрытыми глазами ей удавалось убедить себя, что нет никаких воплей, нет никакой драки. В этом шкафу у нее была другая семья, семья из воображаемого мира, где мамы и папы любят друг друга и никогда не кричат и не дерутся. В ее воображаемом мире был реальный дом, где холодильник не был наполовину наполнен пивом и где, когда она возвращалась из школы, ее ждало печенье с молоком. С годами фантазии стали играть большую роль в памяти Аликс, такую же, как и реальность. И единственное, что она вспоминала в ярких подробностях, – это то, что эта выдуманная ею мама, которая любила ее, имела обыкновение вязать.

– Я назначила урок для начинающих на следующую пятницу, в полдень. Если хотите, присоединяйтесь.

Эти слова вернули ее из мира грез в реальность. Аликс усмехнулась:

– Вы действительно думаете, что сможете научить кого-то вязать? Даже меня?

– Конечно, – отозвалась без промедления Лидия. – Я научила многих людей, а сейчас на мой урок записались всего две женщины, поэтому я смогу уделять вам достаточно внимания.

– Я левша.

– Это не проблема.

«Дамочка наверняка отчаянно хочет что-нибудь продать. Принести извинения ничего не стоит, и в конце концов Лидия от меня отстанет. Что же касается обучения вязанию, у меня нет денег, чтобы попусту тратить на пряжу».

– Так как насчет того, чтобы связать одеяло для проекта Лайнус? – спросила Лидия.

«Ну, Аликс, ты и попала!» Лидия продолжала:

– Я сама связала несколько таких одеял.

– Неужели?

«Значит, у этой дамочки есть сердце». Лидия кивнула:

– Есть столько людей, которые нуждаются в вязаных вещах.

Люди, нуждающиеся в вязаных вещах... Мама из шкафа вязала. Она пела Аликс песенки, и от нее пахло лавандой и цветами. Аликс хотела когда-нибудь стать похожей на эту маму. Однако дорожка, на которую она встала, увела ее в сторону. Может быть, эти уроки вязания стоят того, чтобы ими заняться...

– Думаю, можно попробовать, – сказала она, пожав плечами.

Если Лорел узнает об этом, Аликс станет предметом ее многочисленных шуток. Ну и что с того? Большую часть жизни над ней подсмеивались то по одной, то по другой причине.

Лидия тепло улыбнулась:

– Это замечательно.

– Если одеяло для проекта Лайнус не получится, то и не важно, ведь никто не узнает, что я его вязала.

Улыбка на лице Лидии медленно угасала.

– Вы же будете знать, Аликс, вот что важно.

– Да, но... ну, я полагаю, ваши уроки могут сослужить двойную службу.

«Здорово сказано», – подумала Аликс, довольная собой.

– Я смогу научиться вязать, а время, которое я потрачу на вязание, мне зачтут в качестве часов, которые я должна.

– Вы должны кому-то часы?

– Судья Роупер приговорил меня к ста часам общественно полезного труда, якобы за хранение наркотиков. Но я этого не делала! Я не настолько глупа, и он об этом знает. – Аликс непроизвольно сжала руки. Она до сих пор расстроена из-за этого обвинения, потому что марихуана принадлежала Лорел. – Принимать наркотики глупо. – Она помолчала, а затем выпалила: – Мой брат умер от наркотиков. Я пока еще не желаю расставаться со своей жизнью.

Лидия расправила плечи.

– Погодите, я вас правильно поняла? Вы хотите записаться на уроки вязания и отдать одеяло для проекта Лайнус?

– Ага.

– И время, которое вы потратите на то, чтобы связать это одеяло... – она слегка замялась, – вы хотите, чтобы вам зачли

в счет отработки срока общественно полезного труда, к которому вас приговорили?

Аликс заметила некую натянутость со стороны Лидии, но она сама может кого угодно поставить на место.

– Вас это напрягает?

Лидия замялась:

– Да не особенно, если вы будете уважительно относиться ко мне и к другим обучающимся.

– Конечно. Отлично. – Аликс посмотрела на свои часы. – Мне нужно возвращаться на работу. Если вдруг я вам понадоблюсь, я почти всегда нахожусь в видеопрокате.

– Хорошо.

Неожиданно Лидия произнесла это не столь уверенно, как раньше.

Когда Аликс вернулась, в видеопрокате было полно народа, и она поспешила встать за прилавок.

– Что ты так долго? – осведомилась Лорел. – Фунд спрашивал, где ты, и я сказала ему, что, похоже, застряла в туалете.

– Прости, я выходила покурить.

По трудовому законодательству ей полагается пятнадцатиминутный перерыв.

– Ты встретила парней со стройки?

Аликс покачала головой, подходя к кассовому аппарату.

– Их уже нет. Четыре часа, а эти ребята смываются отсюда быстрее лани.

– Нам тоже нужно организовать себе профсоюз, – прошептала Лорел.

– Флаг в руки.

Аликс снова погрузилась в мечты. В один прекрасный день она найдет работу, с зарплатой больше минимальной. Снимет квартиру только для себя, а не будет делить ее с Лорел. Лорел ходит по лезвию ножа, и существует опасность поскользнуться. Самое большое опасение Аликс состояло в том, что если Лорел сорвется, то увлечет за собой и Аликс.

Глава 5

ЛИДИЯ ХОФФМАН

*Если умеешь вязать, делать накид и следовать
схеме вязания, ты можешь связать все, что угодно.
Линда Джонсон. Лицевые и изнаночные петли Линды.
Сильвердейл, штат Вашингтон*

Я боялась, что Маргарет может оказаться права, и «Путеводная нить» закончит существование еще до того, как у нее появится шанс подняться на ноги. Пока только три женщины записались на уроки вязания, и Аликс, последняя из записавшихся, была похожа на уголовницу. Представить себе не могла, как Жаклин и Кэрол отреагируют на соученицу, которая щеголяет в собачьем ошейнике и носит иерокез пурпурного цвета. Я поддержала Аликс, предложив ей записаться на уроки, но в то же мгновение, как она вышла из магазина, засомневалась, правильно ли поступила. О чем только я думала? И где была моя голова?

Строительный шум уже не был столь разрушительным, и это стало облегчением, но все равно не привело в магазин покупателей. Хорошо только то, что у меня появилась возможность повязать, чтобы меня не отвлекали, которой я была лишена месяцами. Полагаю, мне надо быть благодарной судьбе, но я слишком обеспокоена отсутствием въезда для

транспорта.

Все хорошо осведомленные люди, с которыми я разговаривала об открытии магазина, рекомендовали, чтобы у меня было достаточно средств в банке для оплаты расходов на протяжении минимум шести месяцев, и они у меня есть, но я надеюсь и молюсь, чтобы по крайней мере часть своего наследства оставить нетронутой. Теперь, когда я действительно пошла на такой риск, меня одолевают сомнения и страх.

Маргарет всегда так действовала на меня. Хотелось бы мне понимать собственную сестру! Бывают дни, когда я думаю, что она меня ненавидит. Частица меня осознает, в чем проблема: именно мне доставалось все внимание мамы и папы, но я действительно в нем нуждалась. Я отказываюсь поверить, что моя сестра всерьез думает, что, страстно желая родительского внимания, я накликала на себя рак.

Больше, чем Маргарет ненавидит меня, я ненавижу рак. Я изо всех сил хотела быть здоровой, как все люди, и я живу, словно стою под грозовой тучей, опасаясь, как бы молния не ударила в меня еще раз. Конечно, единственная родная сестра могла бы войти в мои обстоятельства и поддержать мои усилия самостоятельно встать на ноги!

Утром в среду я вязала носки для витрины. Все мое внимание было сосредоточено на вывязывании пятки, когда зазвенел колокольчик над дверью. Предвкушая появление потенциальной покупательницы – и моей потенциальной ученицы, – я встала с радушной улыбкой.

– Привет всем!

В магазин вошел водитель «Ю-пи-эс» – службы экс пресс-доставки срочных почтовых заказов «Юнайтед парсел сервис», катя тележку, уставленную большими картонными коробками высотой с человеческий рост.

– Так как я буду совершать регулярные доставки по этому району, думаю, стоит представиться.

Он отпустил тележку и протянул руку:

– Брэд Гетц.

– Я Лидия Хоффман.

Мы обменялись рукопожатиями.

Он передал мне планшет с бланком, напечатанным на компьютере, для подписи.

– Как идут дела? – поинтересовался Брэд, пока я расписывалась.

– Я тут всего вторую неделю. – Я предпочла не отвечать на его вопрос, чем признаваться, как на самом деле плохи мои дела.

– Стройка скоро кончится, и от покупателей у вас отбоя не будет.

Сказав это, он улыбнулся, и я моментально почувствовала благодарность и шок, поскольку это показалось мне к тому же завлекательным. Я так изголодалась по одобрению, что, полагаю, это было естественно, но меня потянуло к нему, как птицу в небо. Я не чувствовала этого особого влечения очень давно. Я бесстыдно посмотрела на его безымянный палец и

увидела, что он не носит обручального кольца.

Стыдно признаться, но мой сексуальный опыт ограничивается несколькими попытками заняться любовью на ощупь на заднем сиденье автомобиля моего приятеля по колледжу. А потом случился рецидив рака. Роджер был со мной, когда мне делали повторную операцию, но его визиты и звонки прекратились вскоре после того, как я начала курс химиотерапии, и у меня выпали все волосы. Лысые женщины, очевидно, не слишком привлекательны, хотя он и говорил обратное. Думаю, дело в том, что он считал меня «провальным проектом», женщиной, которая в любой момент может умереть. Женщиной, которая не компенсирует ему эмоциональный вклад. В конце концов, в колледже Роджер изучал бизнес.

Брайан был моим дружком по средней школе, и его поступки ничем не отличались от поведения Роджера. Он тоже некоторое время оставался рядом, а потом отчалил. На самом деле я не виню ни того ни другого.

Мои разрывы с Роджером и Брайаном, если их можно так назвать, были неизбежными. После Роджера у меня были немногочисленные краткие отношения, но ни одно не достойно упоминания. На своем прежнем опыте я убедилась, что мужчины не проявляют романтического интереса к онкологической больной с рецидивом. Не хочу показаться жертвой, но я понимаю, что они чувствовали: зачем тратить эмоции на женщину, которая, может быть, скоро умрет? Я

даже не знаю, можно ли мне иметь детей и смогу ли я их иметь. Об этом я предпочитаю не думать вообще.

– У меня бабушка вязала, – сказал Брэд. – Я слышал, за последние пару лет интерес к вязанию возобновился.

Не за пару лет, дольше, хотя я не стала его поправлять. Черт побери, а он привлекателен, особенно когда улыбается. И похоже, делает это довольно часто. Глаза у него были глубокого синего цвета, глаза, которые женщина видит за квартал. Он был не слишком высоким, что радовало. Мой рост едва достигает пяти футов трех дюймов, и, когда я стою рядом с кем-либо, у кого рост шесть футов или выше, мне становится не по себе от испуга. Брэд был правильного роста, и в этом заключалась вся проблема. Я не хотела рассматривать его внешность, не хотела замечать, как по-мальчишески очаровательно его темные волосы спадают ему на лоб, или как темно-коричневая униформа натянута на его широких плечах. Но я все-таки заметила все это... и более того.

– А что это вы вяжете? – спросил он, указывая на мое вязанье. Ответа ждать не стал. – Похоже на носки.

– Так оно и есть.

– Но у вас только две спицы. Когда бабушка вязала носки, спиц у нее было, наверное, с полдюжины.

– Это круговые спицы, более современный способ, – объяснила я, протягивая ему наполовину законченное вязанье.

Он показался мне заинтересованным, и я продолжала болтать, информируя его гораздо подробнее, чем ему, вероятно,

требовалось.

– Всего несколько лет назад носки вязали пятью спицами. Но теперь можно вязать носки на двух круговых спицах, или даже на одной, при условии, что ее длина сорок дюймов. Обратите внимание и на пряжу, – трещала я, – мне не приходится менять цвета, чтобы сделать эти полосы. Пряжа сама по себе полосатая.

Он потрогал нитку, и, как мне показалось, с искренним удивлением.

– И давно вы вяжете?

– Почти десять лет.

– А по виду не скажешь, что вы успели закончить среднюю школу, не говоря о том, чтобы открыть магазин вязальных принадлежностей.

Такие комплементы мне слишком часто приходится слышать. Я улыбнулась бесцеремонно, но, по правде говоря, не считаю это комплиментом.

– Мне, догадываюсь, лучше вернуться к работе, – сказал Брэд, когда в нашем разговоре наступила натянутая пауза.

Я бы не возражала против обмена любезностями на протяжении еще нескольких минут, но была уверена, что он работает строго по часам. Да и я тоже, в некотором роде. Кроме того, никогда не умела флиртовать.

– Прежде чем уйти, можно мне помочь вам поставить эти коробки на место? Они гораздо тяжелее, чем кажется с виду.

– Я сама справлюсь, спасибо.

Совсем сбита с толку дружеским отношением Брэда, я едва заметила, что он доставил мне новую пряжу. Одно из удовольствий открытия собственного магазина состояло в том, что я могу покупать пряжу по оптовым ценам. Не зная, что может заинтересовать моих клиентов, я заказала ее различных сортов. Моим первым заказом была хорошая крученая шерстяная пряжа двух дюжин расцветок. Шерсть – это настоящая необходимость, особенно популярна валяная шерсть. Изделие вяжется большего, чем требуется, размера, а затем его опускают в горячую воду, и оно садится; свалившаяся пряжа по структуре напоминает войлок. Следом идет хлопчатобумажная пряжа, моя любимая. Тонкая шерстяная пряжа тоже становится все более популярной, так же как и импортная, европейская пряжа для вязания носков. Думаю, что самыми востребованными будут смесовая пряжа – шерсть с шелком, и акрил, поэтому заказала все основные цвета, а также цвета, которые, судя по моим журналам для вязания, являются хитами нынешнего года. Большая часть моих заказов прибыла до того, как я открыла двери своего магазина, но более мелкие партии доставлялись постепенно почти каждый день.

– Вы живете по соседству? – спросил Бред и сунул планшет под мышку, беря пустую тележку.

– У меня квартира над магазином.

– Это хорошо, потому что у вас тут не парковка, а головная боль.

Как будто я об этом ничего не знаю! А, кстати, где он оставил свой грузовик? Я предположила, что, должно быть, на порядочном расстоянии отсюда. Любому покупателю, которого я вынуждена завлекать в свой магазин, потребуется найти, где припарковаться, а это можно будет сделать в одном-двух кварталах ниже по улице, и я опасалась, что многие не захотят прилагать никаких усилий. Проулок позади магазина был открыт, но мне не хотелось бы оказаться одной в таком месте, хоть днем, хоть ночью.

– Спасибо вам, Брэд, – сказала я, когда он уже открывал дверь.

Он весело помахал мне рукой и ушел. На какое-то мгновение мне показалось, будто из комнаты ушел солнечный свет. Я осознавала, что это за чувство: сожаление, граничащее с горем. «Сейчас не время и не место, – строго сказала я себе. – Если я собираюсь купаться в жалости к собственной персоне, я хочу удостовериться что у меня играет CD Эрика Клэптона и еще пара печальных мелодрам в запасе. Мороженое всегда помогает, но только если это действительно тяжелый случай».

Ничто не может остановить меня от того, чтобы завести отношения. Ничто, кроме моих собственных страхов. Боже правый, мне уже тридцать! Хорошо, вот вся правда: я не хочу рисковать и влюбляться, когда, по всей вероятности, отношения не продлятся долго. Я несколько раз пыталась, но, как только признавалась, что у меня был рак, и не один, а

два раза, все видела у них в глазах. Больше всего я ненавижу этот взгляд. Настороженный взгляд – смесь жалости и сожаления, разочарования и сочувствия.

Зачастую перемена в отношениях следует немедленно, и я знаю: пройдет немного времени, и отношения, которые когда-то казались столь многообещающими, развалятся на части и умрут. А с ними умрет и моя надежда на то, о чем мечтают все женщины, – иметь мужа и детей. Иметь собственную семью.

Знаю, я говорю, словно мне ужасно жаль себя. Я признаю, что отношения с мужчинами даются мне с трудом. Даже мои подружки иногда чувствовали себя со мной неловко. Я изо всех сил старалась не думать об этом. Мне есть за что быть благодарной жизни, и ради своего здоровья я предпочла сконцентрироваться на этих вещах.

Просто я не умею поддерживать отношения. Так было всегда. ДР (до рака) я была популярным, легким и уживчивым человеком, имела множество друзей – как среди мальчиков, так и среди девочек. Все мальчики в конце концов исчезли из моей жизни. На самом деле именно этого я и ожидала, но подружек оттолкнула я сама. Знаю, это глупо, но я не могла слышать их рассказы о веселье и развлечениях. Оглядываясь назад, я понимаю, что просто завидовала. Я так отчаянно хотела походить на них, смеяться, шушукаться ночи напролет, делиться секретами, весело болтать. Ходить на свидания. Познавать жизнь. Вместо этого моя жизнь состо-

яла из врачей, больниц и экспериментальных лекарств. Никогда мне не вернуть того, что отнял у меня рак. Дело в том, что у меня нет близких друзей, и теперь, когда мне исполнилось тридцать, боюсь, я уже разучилась их заводить.

«Выбрось из головы Брэда Гетца», – сказала я себе.

Я только что начала распаковывать коробки и сортировать свои нитяные сокровища, как в витрине увидела мелькнувшую коричневую униформу. Вопреки своему первоначальному намерению, я вытянула шею, надеясь увидеть Брэда хотя бы мельком. Я не была разочарована, когда он рывком отворил дверь и поспешно вошел.

– Лидия, вы заняты сегодня вечером после работы?

К моему изумлению, у меня пересохло во рту.

– Занята ли я? – пришлось переспросить.

– Я понимаю, это неожиданно, но нельзя ли пригласить вас на ужин?

И снова я дрогнула, разрываясь между желанием с радостью согласиться на его предложение и уверенностью в том, что в конечном счете останусь ни с чем, кроме уязвленного самолюбия и обманутых надежд.

– Мне жаль, – ответила я, надеясь, что взяла верный тон, – но у меня планы на сегодняшний вечер.

Я не упомянула, что я занята вывязыванием пяток у носков, но данная информация показалась мне лишней.

– А как насчет завтра? Моя бывшая забирает сына на пару ночей, и я подумал... Ну, знаете, мы могли бы встретиться

и...

До того как могла поддаться искушению, я отрицательно покачала головой:

– Извините, не могу.

Улыбка Брэда угасла. Видимо, он не часто получает отказ от женщин.

– Ладно, тогда увидимся позже.

– Да, – прошептала я, сжимая клубок ярко-желтой шерстяной ровницы, – увидимся.

Глава 6

ЖАКЛИН ДОНОВАН

Жаклин, откинувшись в наполненной мыльной пеной ванне, оторвала взгляд от детектива-бестселлера при звуке отрывающейся парадной двери.

Ризи обычно не появлялся дома по вторникам раньше, чем она укладывалась спать. Некоторое время его отсутствие, объясняемое бесконечными предположениями относительно того, где он бывает, основательно ее огорчало. Жаклин не обсуждала с мужем вопрос о том, есть ли у него любовницы, поэтому домыслы ее становились безудержными. Очень давно она решила, что у ее мужа есть другая женщина. Не одна из так называемых ее подружек получила удовольствие, сообщая ей о том, что Ризи видели с какой-то блондинкой. Тщательная проверка оплаченных чеков и прихода по кредитным картам подтвердила это подозрение.

Блондинка. Мужчины так предсказуемы.

Жаклин повернула голову в другую сторону и сделала вид, что с ее браком и жизнью все в порядке. Это не означало, что блондинка на стороне не причиняет ей боль. Боль от предательства Ризи глубоко ранила Жаклин, но она была достаточно зрелой, чтобы не пережить подобную неприятность. Ее муж не приходил к ней в постель бог знает сколько лет.

Справедливости ради следует отметить, что они спали в разных спальнях по взаимному согласию. В ранние годы их супружества Жаклин произвела на свет необходимого отпрыска, и, выждав приличествующий двухлетний период, они попробовали завести еще одного ребенка. Но после двух выкидышей на поздних сроках и последовавших за этим депрессий Жаклин оставила всякую надежду.

Полю слишком быстро повзрослел. Не успела она оглянуться, а он уже поступил в колледж. Когда их сын переехал в общежитие, Жаклин как бы между прочим предложила Ризи воспользоваться освободившейся спальней. На следующий же день он перетащил свои вещи в отдельную комнату. Ее немного огорчила быстрота его действий, но она почувствовала облегчение.

Честно говоря, Жаклин стала смотреть на секс как на навязывание себя. Весь этот пот, тяжелое дыхание, толчки и трение, в то время как она изо всех сил старалась сделать вид, что ей интересно, – все это было явной глупостью. О, занятия любовью были приятными и даже доставляли удовольствие, особенно вначале, да и потом, некоторое время после появления на свет Поля. Жаклин была уверена, что все сложилось бы по-другому, если бы она смогла выносить вторую беременность. Жаклин хотела дочку, но так и не смогла ее родить. С точки зрения прошедших двадцати лет она понимала, что причиной отсутствия у нее интереса к сексу была ее тревога или, возможно, чувство вины. Хотя теперь это

не имеет значения. И она не намерена ходить по врачебным кабинетам с кушетками, чтобы все выяснить.

Сожаление об отсутствии у нее дочери мучило Жаклин всю оставшуюся жизнь. Много лет назад Ризи сказал ей, когда она находилась в сильной депрессии, что у нее будет дочка, когда Поль женится. И в этом она должна была находить утешение!

Жаклин непроизвольно съежилась. Тэмми Ли так далека от образа ее дочери, что и думать о ней не стоит.

– Джеки, ты дома? – прокричал Ризи из коридора, ведущего в их отдельные спальни.

– Я принимаю ванну, – отозвалась она, откладывая книгу в сторону.

Едва пробило семь, его интерес к другой женщине, видимо, пошел на убыль. Ароматная вода и пена скатывались с нее, когда Жаклин встала. Хорошенько подумав, она решила, что, может быть, что-то случилось, но не могла представить ничего конкретного. Она протянула руку за большим пушистым полотенцем, которое висело на нагревателе.

– У тебя все в порядке?

Ризи коротко постучал в дверь ванной комнаты и, не дождав ее ответа, вошел. Его глаза расширились, когда он увидел ее, запыхавшуюся, розовую от горячей воды, завернутую в полотенце.

– И что ты тут делаешь? – требовательно спросила Жаклин, возбуждаясь оттого, что он вошел, когда она была

практически обнаженной.

Одно время когда-то ее тело было гладким и привлекательным, но годы взяли свое. Живот обвис, а груди выдавали, что ей уже за пятьдесят. Она плотнее запахла полотенце.

– Так ты выгоняешь меня из ванной?

– Скажу спасибо, если не станешь нарушать мое уединение.

Казалось, его глаза на мгновение стали холодными, затем его взгляд обрел равнодушие.

– Мне бы хотелось поговорить с тобой несколько минут, когда сможешь.

– Конечно, – буркнула она.

Ризи удалился из ванной и прикрыл за собой дверь.

Когда Жаклин выходила из ванной, то поняла, что ее трясет. Она оперлась рукой о стойку для равновесия и сделала глубокий вздох, собираясь с мыслями. Она вытерлась, надела свою атласную ночную рубашку и подходящий халатик. Она туго затянула поясок на талии и остановилась в попытке успокоить бьющееся сердце, прежде чем идти разыскивать мужа.

Жаклин нашла Ризи в кухне, стоящим перед открытым холодильником. Он вытащил контейнер, который она принесла домой с обеда за два дня до этого. Она теперь редко готовила, особенно с тех пор, как Марта, их домработница, добровольно взяла на себя эти обязанности. Жаклин выпол-

няла другие обязанности и больше не обременяла себя приготовлением пищи. Ризи обычно ел в одиночестве, потому что имел обыкновение задерживаться в офисе допоздна. Во всяком случае, так говорил.

– И что не так?

Он не ответил. Вместо этого открыл крышку и внимательно рассматривал то, что осталось от ее салата «Цезарь» с креветками. Очевидно, это его не устроило, потому что он снова закрыл крышку и засунул контейнер обратно в холодильник.

– У нас есть яйца?

– Думаю, есть, – ответила Жаклин, шагнув между ним и дверцей холодильника. – Хочешь, чтобы я сделала тебе омлет?

– А ты сделаешь? – спросил он, удивленный ее предложением.

В раздражении Жаклин вытащила коробку с яйцами из дверцы холодильника и схватила пачку твердого сыра «Монтерей Джек».

– Что ты делаешь дома? – спросила она.

Коль скоро она собирается готовить для него, Ризи, по крайней мере, мог бы потрудиться ответить на ее вопросы.

Он взгромоздился на барный табурет и наблюдал, как она ищет небольшую сковородку и ставит ее на горелку.

– А грибы у нас есть?

– Нет. А теперь отвечай на мой вопрос. Ризи тяжело вздохнул.

– Прекрасно. Не говори, – буркнула Жаклин и отвернулась.

Роясь в отделении для овощей, она отыскивала подходящий зеленый перец, половинку луковицы и подозрительный цукини, который проворно бросила в мусорное ведро.

– Ты послала Полю и Тэмми Ли букет, не так ли?

– Сказала же, пошлю, – огрызнулась Жаклин.

Она не привыкла объяснять свои поступки мужу. С каких пор она отчитывается перед Ризи? Он все время поддевает ее по поводу жены их сына. Это невыносимо.

– Что-нибудь слышно от Поля?

Жаклин поджала губы, чтобы скрыть неудовольствие.

– Нет, но Тэмми Ли звонила, чтобы поблагодарить нас за розы, – ответила она через силу.

На самом деле Тэмми Ли фонтанировала благодарностью и трещала так, словно никогда в жизни не видела букета из дюжины роз.

– И это все, что она сказала?

– Она должна была сказать что-то еще? – съязвила Жаклин.

Она была возмущена этими расспросами и хотела дать ему это понять.

Ризи отвел взгляд.

– Представления не имею. Это ведь ты с ней разговаривала.

– Она сообщила мне, что в восторге от своей беременно-

сти. По ее словам, беременность для нее была неожиданно. — Жаклин едва могла дожидаться, чтобы услышать то, что скажут ее приятельницы по загородному клубу, когда узнают, что Тэмми Ли ждет ребенка. Все знали о том, как она относится к своей невестке, и о ее надежде, что Поль когда-нибудь осознает свою ошибку. — Думаю, она сделала это специально.

Жаклин рассердилась, просто сказав это. Тэмми Ли точно знала, что она делает. Этот ребенок был такой же случайностью, как и Пёрл-Харбор.

— Это жизнь Поля.

— Нам обязательно продолжать этот разговор?

Сковорода уже разогрелась, и Жаклин нарезала небольшими кусочками масло и дала ему растаять, прежде чем бросить на нее порезанные овощи. Перенеся свое разочарование на яйца, она в сердцах разбила скорлупки о край миски и взбила три яйца в белую пену.

— Ты записалась на уроки вязания?

У Ризи определенно было полно вопросов, и она целиком сконцентрировалась на своей задаче, чтобы не отвечать. От нее не укрылся тот факт, что о подробностях своей жизни Ризи не распространялся. Интересно, что он почувствует, если она начнет задавать *ему* вопросы. К примеру, почему он случайно оказался дома в то время, когда ему полагается быть со своей любовницей. Или почему он вдруг полюбил что-то о том, чем это занимается Жаклин. Она решила

не отвечать.

Жаклин ожидала, что Ризи разозлится оттого, что она не ответила. Вместо этого он рассмеялся.

– Что это тебя так рассмешило?

– Ты. Не могу представить тебя с вязальными спицами.

Жаклин решила оставить это высказывание без ответа. Она не доставит ему удовольствия, дав знать, как он ее раздражает.

– Ты не похожа ни на одну бабушку, которую я когда-либо видел, – особенно сейчас, после ванны, вся такая розовая и хорошенькая.

Жаклин снова пропустила его замечание мимо ушей. Она вылила взбитые яйца в наполовину готовые овощи и добавила пригоршню тертого сыра. С отработанной легкостью сомкнула концы омлета и ловко перевернула его. Когда яйца прожарились так, как любил Ризи, она положила омлет на тарелку и вручила ее мужу.

Взгляд Ризи благодарно оживился.

– Ты так и не сказал, почему явился домой так рано. Он один раз уже отказался ей отвечать, и ей было интересно, откажется ли снова.

– Я проголодался, – просто сказал он и вонзил вилку в яйца с сыром.

Что бы ни происходило в действительности, ясно одно: Ризи не собирается ничего ей рассказывать. Она понаблюдала за ним минуту, а потом сказала:

– Я иду в постель. Почитаю.

Поставив грязную сковороду в кухонную раковину, чтобы утром ее помыла Марта, она вышла из кухни.

Ризи ничего не говорил до тех пор, пока она наполовину не прошла комнату.

– Джеки.

– В чем дело? – спросила она покорно.

– Спасибо за то, что приготовила мне ужин.

Она громко вздохнула и медленно покачала головой.

– Всегда пожалуйста.

С этими словами она пошла в свою спальню. Сняла халатик и присела на край королевских размеров кровати с горой декоративных подушек, поглаживая рукой кружевное покрывало. Отвернув его, она скользнула под прохладные простыни и уложила подушки так, чтобы можно было читать полусидя.

Она слышала, как Ризи ополоснул свою тарелку и положил ее в посудомоечную машину. Вскоре после этого в рабочем кабинете заговорил телевизор. Как раз когда она уже хотела было пожаловаться, он уменьшил громкость. Жаклин почтала минут десять – пока необъяснимые слезы не затуманили ей зрение. Она не понимала, почему плачет. Наклонившись через кровать к прикроватному столику, она выдернула салфетку из разрисованной коробочки.

«Это потому, что все навалилось одновременно, – решила она. – Эта несвоевременная беременность, а затем Поль и

сердитая перепалка накануне, неожиданное появление Ризи сегодня вечером. Вся жизнь в руинах». Она горько подумала, что станет посмешищем для своих подруг. Миссис Донаван со своей невесткой из «белой швали»². Со своей беременной невесткой, со своим сыночком, резко поглупевшим от любви, и со своим сбившимся с пути истинного мужем.

И все равно Жаклин решила доказать Ризи и Полю, что она будет хорошей бабушкой, даже если это ее убьет!

---

² «Б е л а я ш в а л ь» – так пренебрежительно называют в США белых жителей Юга, принадлежащих к бедным маргинальным слоям.

Глава 7

КЭРОЛ ЖИРАР

Кэрол была в приподнятом настроении, когда готовила ужин в четверг вечером. Дуг в любую минуту мог вернуться домой, и у нее было много новостей. Разрезав грудку цыпленка на кусочки «на один укус», она полила соевым соусом сырое мясо, чтобы промариновалось для его любимого жареного стер-фрай³.

Она улыбнулась, когда открылась дверь и в квартиру вошел ее муж.

– Привет, милая, – сказал он, вешая пиджак, после чего пошел к ней в кухню.

Кэрол немедленно раскрыла для него объятия и с энтузиазмом прижала свои губы к его. Поцелуй был долгим и влекущим, показывающим ее нетерпение заняться любовью.

– И чем вызвано такое приветствие? – поинтересовался Дуг, отклоняясь назад, чтобы бросить на нее медленный томный взгляд.

– У меня был изумительный день.

– Расскажи, что ты делала, – попросил Дуг.

---

³ С т е р – ф р а й – способ приготовления на сильном огне при постоянном помешивании (из восточной кухни), при котором сохраняется больше полезных веществ.

Он разжал руки, обнимавшие ее талию, и принялся про-
сматривать почту, которую Кэрол положила на кухонный
стол.

– После того как ты ушел на работу, я отправилась на про-
гулку и зашла в магазинчик пряжи, который обнаружила во
вторник. Лидия сказала, что необходимости в этом нет, по-
ка завтра не начнутся занятия, но я все же выбрала спицы и
пряжу для детского одеяльца. Подожди, я покажу тебе кар-
тинку! Он такой миленький!

Кэрол бросилась в другую комнату и предъявила ему узор
и клубок грязно-белой шерсти.

– Ну, разве это не совершенство?

Дуг уставился на пряжу, словно удивлялся, как она может
волноваться из-за такого пустяка.

– Разве ты не видишь? – нетерпеливо спросила она. – Дуг,
у нас будет ребенок! Я уверена. На этот раз все сложится по-
другому. В начале недели я думала, что больше не вынесу
этой муки. Было так тяжело. Но совершенно неожиданно я
почувствовала надежду, настоящую надежду. О, Дуг, Дуг, у
нас будет ребенок!

Она заметила, что ее пыл в конце концов задел и его за
живое.

– Ребенок, – повторила она дрожащим от волнения голо-
сом.

Кэрол взяла его свободную руку и прижала ладонь к сво-
ему плоскому животу.

Взгляд Дуга, потеплевший от желания, встретился с ее взглядом. Он уронил почту на пол и заключил ее в объятия. Их поцелуи были страстными, расточительными. Через несколько минут возрастающего возбуждения он слегка вздохнул и поймал зубами ее нижнюю губу. Зная желания и потребности своего мужа, Кэрол медленно повела бедрами, подстегивая его возбуждение. Она тихо говорила невнятные слова ободрения, шептала распутные обещания только для него одного.

Дуг тихонько застонал и поцеловал ее снова.

– Ты знаешь, что делаешь со мной, когда говоришь такие слова.

– Я знаю, что ты делаешь со мной, – поправила она. Дуг расстегнул и почти стянул блузку с ее плеч, когда они, шатаясь, вошли в гостиную. Не размыкая объятий, они упали на диван, хихикая и горя желанием тут же закончить начатое.

– Мы слишком давно женаты для такого сумасшедшего секса, – сказал он, срывая галстук и расстегивая рубашку.

– Хочешь, чтобы мы отложили это на потом?

– Н-е-е-т, – прорычал он.

Кэрол тоже не хотела откладывать. Такая спонтанность составляла резкий контраст с их запланированными занятиями любовью, которые стали у них нормой. То, что однажды было импульсивным и естественным, теперь стало рутинным и прозаическим, как предписание врача. Их сосредоточенность на времени, на старании соответствовать ее овуляци-

онному циклу, на своей цели достичь оплодотворения. Сейчас в первый раз за многие годы их любовь была свободной – и освобождающей. Как только он избавился от костюмных брюк, а Кэрол – от слаксов, она легла на спину на диван и протянула руки навстречу.

Дуг опустил на нее, и Кэрол закрыла глаза от острого ощущения, когда его тело приникло к ней. Именно такими и должны быть занятия любовью. Она почти забыла, каково это, когда чувствуешь такое настойчивое влечение. Их целью были любовь и надежда. Дуг с Кэрол были пьяны от своей тяги друг к другу.

Обняв руками шею Дуга, Кэрол шевелила пальцами его темные волосы. Она тихо стонала и выгибалась навстречу каждому толчку и отдавалась теплоте и радости их любви.

После этого они долго обнимали друг друга, смакуя каждое мгновение. Никто из них не произнес ни слова, как она полагала, из боязни разрушить тишину этого единения тел и душ. Совокупление было подтверждением их глубоко укоренившейся любви, их преданности и их непоколебимой веры, что когда-нибудь они станут родителями. Кэрол уверена. Она уверена в этом с того мгновения, когда зашла в магазинчик вязальных принадлежностей и узнала, что изделием в классе для начинающих будет детское одеяльце. Это был знак.

Через некоторое время Дуг приподнял голову и поцеловал ее в лоб.

– Я тебя люблю.

Пресыщенная и довольная, Кэрол улыбнулась мужу:

– Я тоже тебя люблю. Думаю, маленький Камерон будет счастлив иметь такого папочку.

– Хочешь сказать, маленькая Коллин.

– Ты знаешь, у нас может быть двойня.

– Хорошо. Чем больше, тем веселее.

Они продолжали смотреть друг на друга, пока им не стало неудобно оставаться в одном положении. Надев и расправив блузку, Кэрол взяла в руку пряжу. Держа ее в руке, она успокоилась. С каждой петлей, с каждым рядом еще нерожденный ребенок будет чувствовать ее любовь.

После ужина, когда Кэрол ставила тарелки и столовые приборы в посудомоечную машину, зазвонил телефон. Дуг сидел перед телевизором, краем уха слушая новости, и читал газету. Он поднял взгляд и увидел, что Кэрол отвечает по телефону на кухне.

Телефонный определитель сообщил Кэрол, что это ее брат Рик, пилот «Авиаиний Аляски», звонит по сотовому. Он базировался в Джуно на Аляске, где живет его бывшая жена Элли, – Рик часто летал в Сиэтл, но у него редко находилось время, чтобы увидеться с сестрой.

– Привет, большой брат, – сказала Кэрол, по ее голосу было понятно, что она счастлива.

– Кэрол, голос у тебя радостный. Ты, случайно, не?... – Он замялся, но Кэрол поняла, о чем он спрашивает.

– Еще нет. Мы с Дугом работаем над этим и днем, и ночью – часами. – Она бросила на мужа дерзкий взгляд, но тот опять вернулся к чтению и не заметил. – Ты надолго в городе?

– На сегодняшний вечер, а завтра приблизительно в это время улетаю. Нет возможности встретиться? Не обязательно в этот рейс, если тебе неудобно, но в ближайшем будущем.

Кэрол сразу же сверилась с календарем.

– С удовольствием.

Приглашения Рика были немногочисленными и нечастыми, и она обязательно сделает все необходимое, чтобы угостить своему брату.

– Как насчет завтрака?

– Ты же знаешь, я – не жаворонок.

Кэрол вспомнила, с каким трудом ее брат всегда вставал в школу.

– Верно, – сказала она.

– Чем ты занята в эти дни? – спросил он, чтобы поддержать разговор.

– Ничем особенным. Мы с Дугом по утрам ходим в спортзал три раза в неделю, а завтра днем я начну посещать уроки вязания.

– Вязания? Ты?

– Да, и если ты будешь вежлив со мной, то, когда научусь, свяжу тебе свитер.

– Такой ирландский со сложным орнаментом?

– Ой... я скорее подумывала о более простом покрое с рукавом реглан.

Ее брат хихикнул.

– Не могу представить свою сестру, которая управляла взаимным фондом в двести миллионов долларов, с вязальными спицами в руках.

– Ну, тогда представь, потому что это случилось. «Интересно, что у него на уме», – подумала она.

– Ты хочешь со мной увидеться, потому что для того есть какая-то особая причина?

Рик ответил не сразу.

– Давненько мы не разговаривали, – заметил он. – Я надеялся, у нас будет шанс наверстать упущенное. Только и всего.

– Было бы здорово. По-видимому, завтра ничего не получится. Когда ты в следующий раз будешь в городе?

На заднем плане она услышала шелест страниц: Рик справлялся со своим рабочим графиком.

– Почему бы тебе не прийти к нам на ужин? – предложила она.

– Я вернусь сюда на следующей неделе. Вам с Дугом это подходит?

Он назвал ей день, и Кэрол записала число на настенном календаре. Она замерла, держа карандаш в руке. В том, что позвонил ее брат, не было ничего необычного, но он не часто настаивал на встрече.

– С тобой все в порядке, Рик?

Он развелся вот уже более года назад, и, хотя говорил об этом прозаично, даже небрежно, Кэрол подозревала, что этот разрыв причинял ему сильную боль. Она не знала точных причин, по которым Элли подала на развод, но Кэрол сочла, что они имеют отношение к карьере Рика. Нелегко поддерживать отношения с мужем, который так много времени проводит вне дома. Одно время Элли намекала на то, что он ей изменял, но Кэрол отказывалась верить этому. Ее брат не стал бы обманывать жену. Просто не стал бы.

– Ну... как бы в порядке, но сейчас не хочу вдаваться в подробности. Тебе беспокоиться не о чем, – добавил он, откашлявшись. – Мы поужинаем на следующей неделе и тогда поговорим.

– Буду с нетерпением ждать, – сообщила ему Кэрол. – Ты давно виделся с мамой и папой? – спросила она.

– Я был в Портленде в прошлые выходные, и они, как всегда, в добром здравии.

– Отлично!

Еще несколько минут Кэрол вела вежливую беседу с братом. Вешая телефонную трубку, она хмурилась – ей было любопытно, что за проблема у Рика.

– Это был Рик? – спросил Дуг из гостиной.

– На следующей неделе мы с ним ужинаем.

– Давно мы его не видели, верно?

Кэрол отправилась в комнату и уселась на ручку кресла

Дуга.

Он поднял на нее глаза:

– Что-то не так?

Она покачала головой:

– Хотелось бы мне знать. Но с моим братом определенно что-то происходит.

Положив руку на спинку кресла, Кэрол наклонилась и поцеловала Дуга в макушку.

– Обещай любить меня всегда, – прошептала она.

– Уже люблю, – ответил он и поднял левую руку, показывая ей свое обручальное кольцо. – Я – твой, хочешь ты того или нет.

Кэрол расслабилась на плече мужа.

– Не думаю, что когда-либо я любила тебя больше, чем сейчас.

– Такие слова по душе любому мужу, – сказал он, обнимая за талию и усаживая Кэрол к себе на колени.

Она угнездилась в его объятиях, благодарная своему брату, который познакомил ее с Дугом, и своему мужу за такую любовь. И все-таки звонок Рика беспокоил ее. Что-то было не так – она не могла отделаться от этого ощущения. И серьезно. Хоть брат и призывал ее не беспокоиться, разве она может справиться с собой?

Глава 8

АЛИКС ТАУНСЕНД

Аликс жалела, что записалась на уроки вязания, но теперь было слишком поздно давать обратный ход. Получив свой недельный чек, она снова пришла в «Путеводную нить» и заплатила за уроки. Она поступила импульсивно, глупо было выбрасывать хорошие деньги на бесполезные уроки вязания. Чем больше она думала об этом, тем больше раздражалась. Она дала себя высосать какой-то детской фантазии об идеальной матери. Ну, у Аликс была мать, и весьма далекая от идеала.

– Джон здесь, – прошептала Лорел, выходя из-за спины Аликс за прилавком.

Ее соседка по комнате встречается с одним из их постоянных клиентов вот уже шесть лет, но, с точки зрения Аликс, парень был слизняком. Пусть он симпатичный и носит костюмы, но она видела, какие фильмы он брал напрокат, – все они имели в названии слово «секс». Его любимыми были порнофильмы с насилием.

Когда-то давно Джон давал понять Аликс, что он ею интересуется, но она не поощрила его. Однако Лорел запала на него с самого начала и, казалось, думала, будто весь мир вращается вокруг него. Лорел была симпатична Джону Ма-

ри, продавцу подержанных автомобилей, но Аликс считала, что ее подруга заслуживает большего. Аликс подозревала, что проблема состояла в весе Лорел. Так как она весила много больше двухсот фунтов, Лорел, казалось, была уверена, что ни один парень не захочет быть с ней. Не помогало даже то, что она отпустила свои жидкие кудрявые светлые волосы, старалась их распрямить и не часто мыла. Весь ее гардероб состоял из джинсов, футболок – большинство из них с дебильными или оскорбительными надписями – и случайных блузок. Все попытки Аликс одеть ее в кожу провалились. И все равно не важно, сколько она весит или как одета, Лорел заслуживает лучшего обращения, чем Джон может ей дать.

Даже если бы Джон был другим, Аликс не проявила бы к нему интереса. Она положила глаз на другого. Последнее время она взяла себе за правило быть за прилавком, когда он приходил, узнала, что его зовут Джордан Тернер. С точки зрения внешности в нем не было ничего особенного. Просто славный малый, подтянутый, но с милой улыбкой и теплым взглядом карих глаз. Его прокатная карточка поведала ей, что он не увлекается извращенной мурой, как больной на всю голову поклонник Лорел. Джордан не смотрел ни триллеров, ни порнофильмов. В прошлый раз он выбрал «Отпетых мошенников» и «Тупой, еще тупее...», вполне банальный выбор по сравнению с тем, что выбирал герой-любовник. Однажды она уже была знакома с парнем по имени Джордан Тернер, но давно, в шестом классе. Он дей-

ствии тельно ей нравился. Его отец был священником, и она несколько раз ходила в церковь, потому что ее просил об этом Джордан. Поэтому в некотором роде ее первое «свидание» происходило в церкви. Теперь это было смешно!

– Прикрой меня, – сказала Лорел за ее спиной.

– Лорел! – предостерегающе запротестовала Аликс. Она ненавидела выполнять эту просьбу, потому что знала наверняка, что произойдет, когда Лорел и Джон ускользнут в кладовку и запрут дверь.

Насмотревшись отвратительных порнофильмов, Джон, вспотевший и возбужденный, возвращал их в видеопрокат и отдавал Лорел десять минут своей жизни. Он кормил ее обещаниями вывести в свет, что делал очень редко, уделяя ей внимания ровным счетом столько, чтобы она не «сорвалась с крючка». Парень был полным лузером, но если Лорел не видит этого, то не станет ничего слушать из того, что хотела ей сказать Аликс.

– Я не долго, – хихикая, пообещала подружка, когда то-ропилась к кладовке, ведя Джона за руку.

По крайней мере, народа было не много. К девяти вечера большинство тех, кто хотел взять фильм напрокат, уже это сделали. Среди полок бродили немногочисленные клиенты.

Погруженная в свои мысли, Аликс удивилась, когда подняла глаза и увидела того самого парня, который занимал ее мысли. Джордан Тернер собственной персоной стоял перед прилавком.

– Простите, – сказал он, – я не хотел вас напугать. Застигнутая врасплох, Аликс нуждалась в минутной передышке, чтобы взять себя в руки. Она пожала плечами, а затем спросила по возможности небрежным тоном:

– Чем могу помочь?

– Пожалуйста, не могли бы вы посмотреть, свободна ли «Матрица»?

– Угу, конечно. – Аликс повернулась к клавиатуре компьютера и напечатала название фильма.

Хотя никто не мог, как она надеялась, догадаться, ее сердце бешено колотилось. Она не ожидала увидеть Джордана в четверг вечером. Он почти всегда приходил по вторникам.

– Я смотрел на полке, но, похоже, там не осталось ни одной копии.

– Все разобраны, – сообщила ему Аликс, глядя на экран компьютера. – Не желаете ли, чтобы я порекомендовала вам другой фильм, похожий по сюжету?

Он взвесил ее предложение, затем покачал головой:

– Нет, спасибо.

Он положил «Поймай меня, если сможешь» на прилавок и заплатил за прокат. Прежде чем она успела придумать что-нибудь, чтобы задержать его, он ушел.

Лорел снова появилась за прилавком, волоча на буксире Джона. На шее у нее красовался засос, а блузка была растегнута. Аликс бросила на Джона презрительный взгляд, в ответ Джон уставился на нее. Он что-то прошептал Лорел.

Аликс не слышала, что он говорил, но могла догадаться. Лорел категорично замотала головой. Джон вышел из магазинчика минутой позже, но недостаточно поспешно, чтобы угодить Аликс.

– Я встречаюсь с ним после работы, – сообщила ей Лорел добродетельным тоном, – он ведет меня ужинать.

Она с вызовом глянула на Аликс, пресекая нелицеприятные комментарии по поводу Джона, но Аликс не клюнула на такую приманку.

– Определенно у него сегодня хорошее настроение, – саркастически буркнула она.

– Так и есть, – ответила Лорел. – Он сегодня продал машину, и мы собираемся это отпраздновать.

– Застегни блузку, прежде чем выходить из магазина.

– Ой! – сказала Лорел, опустив голову. Ее пальцы тотчас же принялись за работу, приводя в порядок последние три пуговики.

– Спасибо.

Аликс покачала головой и подняла поднос с фильмами, чтобы расставить их по полкам.

– Видимо, сегодня я не приду ночевать, – сказала Лорел, – поэтому не жди меня.

Будто Аликс собиралась ее ждать!

– Я тебе не мамочка. Не волнуйся.

– Моя мамочка в любом случае не стала бы волноваться. Она бросила меня и сбежала с моим дядюшкой, когда мне

было десять лет. С моим мерзопакостным дядюшкой, если тебе это о чем-то говорит.

Семья Лорел была не лучше, чем у Аликс. Они встретились год назад, когда обе жили, платя каждый день за жилье, по большей части в номерах отелей, но не того уровня, где выдают маленькие бутылочки с шампунем. Когда работаешь за минимальную зарплату, у тебя не хватит денег, чтобы заплатить сразу за первый и последний месяцы аренды. Лорел и Аликс потребовалось полгода, чтобы оказаться в их теперешнем жилище. Можно было подумать, что они переехали в замок, когда нашли эту квартиру. Сообща они могли справиться с квартплатой, но с началом перестройки в районе Аликс опасалась, что они вскоре опять окажутся на улице. Ходили слухи, что комплекс жилых домов продают той же компании, которая купила старый банк.

Квартира оказалась настоящей крысиной дырой с проседающими и скрипящими полами, постоянно окрашенной от ржавой воды в рыжий цвет ванной и трещинами на потолке. Но это был первый дом, который Аликс считала по-настоящему своим. Вся мебель была такой рухлядью, что даже «добрые самаритяне» не захотели бы ее взять. Они с Лорел собирали ее последние несколько месяцев по знакомым, а пару раз притаскивали прямо с улицы.

Ни одна из девушек не поддерживала отношений с родителями. Аликс слышала, что ее отец живет где-то в Калифорнии, но не видела его десять лет и, честно говоря, не чув-

ствовала в этом необходимости. Отец не пытался отыскать Аликс, и у нее не было особого желания разыскивать его. Ее мать отбывала очередной срок за подделку чеков. Об этом никто не знал, кроме Лорел, которой она рассказала в минуту слабости. Аликс послала матери несколько писем, но та только просила Аликс послать ей денег или, что еще хуже, – достать ей наркоту.

Единственной родной душой Аликс был ее старший брат, но Том связался с дурной компанией и кончил тем, что умер от передозировки наркотика пять лет назад. Его смерть стала для Аликс ударом. Ей больно до сих пор. Том был всем, что у нее было, а потом он ушел... и предал ее. Услышав о его смерти, она разозлилась, так разозлилась, что хотела просто убить его за то, что он с ней сделал. Следующее, что она помнила, – она, свернувшись клубочком, лежит на полу и мечтает, чтобы ей снова было восемь лет и она могла спрятаться в кладовке и представить, что ее мирок надежен и безопасен.

Без Тома она сошла с рельсов, стала дерзить и нарываться на неприятности. Ей потребовалось некоторое время, чтобы вернуться на путь истинный, но она справилась. Теперь Аликс была решительно настроена не совершать тех же ошибок, что и ее брат. Она сама заботилась о себе с шестнадцати лет. По ее мнению, она прекрасно справлялась с тем, чтобы оставаться в трезвом уме и твердой памяти. Конечно, у нее неоднократно происходили стычки с ребятами в синей фор-

ме, и к ней прикрепили работника социальной службы, но она гордилась тем, что ничего серьезного с ней не произошло, и тюрьма ее обошла стороной.

– Тебе сегодня днем звонили, – сообщила ей Лорел перед закрытием. – Я хотела тебе сказать, но у меня вылетело из головы.

Они могли позволить себе оплачивать съемную квартиру, но не телефон, поэтому все контакты происходили в видео-прокате, что сильно раздражало управляющего.

– И кто мне звонил?

– Некто по имени миз О’Делл.

Социальный работник возникла сразу после облавы, когда искали наркотики. Аликс поймали с косяком марихуаны, принадлежавшим Лорел. Она до сих пор не простила Лорел, во-первых, за трату денег на эту дрянь, а во-вторых, за то, что та спрятала ее в сумочке Аликс. Аликс наркоту не употребляла, но никто не захотел слушать ее заявлений о невиновности, поэтому она заткнулась и смирилась с записью в личном деле.

– Чего она хотела? – спросила Аликс, хотя миссис О’Делл, очевидно, отвечала на ее звонок.

Прежде чем потратить время, энергию и деньги на вязание детского одеяльца, Аликс хотела удостовериться в том, что ее усилия вознаградят тем, что зачтут присужденные ей часы общественно полезных работ.

– Она сказала, что это замечательно и обязательно помо-

жет тебе справиться с приступами гнева.

– Ааа.

По крайней мере, женщина не упомянула уроки вязания, что спасло Аликс от необходимости признаваться Лорел в том, что она собирается учиться вязать.

– Ты не хочешь рассказать мне, в чем все-таки дело?

Аликс поджала губы:

– Нет.

– Мы живем в одной квартире, Аликс. Ты можешь доверять мне.

– Конечно могу, – огрызнулась она. – С тем же успехом я могу рассчитывать, что ты расскажешь правду копам.

Она не собиралась давать Лорел забыть, что приняла удар на себя вместо нее.

– Ладно, – сдалась Лорел и подняла обе руки вверх. – Делай как знаешь.

Именно так и намеревалась поступить Аликс.

Глава 9

ЛИДИЯ ХОФФМАН

Все мы связаны вместе. Вязание поддерживает мою связь со всеми теми женщинами, которые так обогатили мою жизнь.

Энн Норлинг, дизайнер

Хотя я обучала вязанию не один год, мне никогда не приходилось работать с такой разношерстной группой, как женщины в моем маленьком классе начинающих. Они не имеют абсолютно ничего общего. Все три сидели за столом в подсобке магазинчика, не обменявшись ни словом.

– Возможно, для начала нам следует представиться. Объясните, почему вы решили записаться на курс, – сказала я и кивнула Жаклин, чтобы та начинала. О ней я волновалась больше всего. Ясно, что Жаклин принадлежит к членам загородного клуба, и ее первой реакцией на Аликс был плохо скрываемый шок. Судя по взгляду, который Жаклин бросила на меня, я опасалась, что она готова извиниться и удрать. Я не поняла, что подвигло ее остаться, но благодарна ей за это.

– Привет, – сказала Жаклин хорошо поставленным голосом, кивнув двум женщинам, сидящим напротив нее, – меня зовут Жаклин Донован. Архитектурная фирма моего мужа отвечает за реконструкцию на Цветочной улице. Я захотела

научиться вязать, потому что вот-вот в первый раз стану бабушкой.

Аликс тотчас же вскинула голову и уставилась на старшую женщину.

– Так это ваш муж виновен во всей тутошной грязи? Скажите ему, чтобы он держался от моей квартиры подальше, понятно?

– Да как вы смеете говорить со мной в таком тоне?!

Женщины пожирали друг друга глазами. Аликс привстала со своего стула, и я восхитилась Жаклин, которая даже не дрогнула. Я быстро обратилась к Кэрол.

– Вы не против стать следующей? – спросила я, и мой голос, должно быть, выдавал мою нервозность.

Я немного узнала Кэрол – она дважды была в моем магазинчике и уже купила пряжу. Я знала, почему она записалась на уроки вязания, и надеялась, что мы могли бы стать подругами.

– Да, всем привет, – сказала Кэрол, в голосе ее звучала та же нерешительность, которую чувствовала и я.

Аликс продолжала пожирать Жаклин глазами, но старшая женщина умело ее игнорировала. Мне следовало бы знать, что подобное вполне может случиться, но я чувствовала, что бессильна это предотвратить. Аликс и Жаклин были столь же разными, сколь отличаются две любые женщины.

– Я – Кэрол Жирар, мы с мужем надеемся завести ребенка. В настоящее время прохожу курс лечения от бесплодия.

У меня будет попытка оплодотворения *in vitro* в июле. Причина того, что я записалась на уроки, состоит в том, что я хочу связать одеяльце для моего еще незачатого ребенка.

По лицу Аликс я видела, что она не понимает терминов.

– Оплодотворение *in vitro* означает искусственное оплодотворение в пробирке, – пояснила Кэрол.

– Я читала замечательную статью в журнале «Ньюсуик», – вставила Жаклин. – Удивительно, что могут сегодня делать врачи.

– Да, сейчас есть чудесные таблетки, но пока мы с Дугом нашего чуда не получили.

Выражение страстного желания на лице Кэрол было таким сильным, что мне захотелось положить руку ей на плечо.

– Июль – это наш последний шанс на процесс оплодотворения *in vitro*, – добавила она.

Кэрол закусила нижнюю губу, и мне стало интересно, знает ли она, что все ее волнение написано у нее на лице.

– И что с вами делают при этом *in vitro* оплодотворении? – спросила Аликс, наклоняясь вперед. Она казалась искренне заинтересованной.

– Это довольно продолжительный процесс, – сказала Кэрол. – Я не уверена, что вы хотите, чтобы я тратила время занятий на объяснения.

– Вы ведь не будете возражать? – спросила Аликс, удивив меня своим любопытством.

– Ни в коем случае, – пропела Жаклин, но я сомневалась,

что ее интерес был таким же искренним, как и у Аликс.

– Хорошо, – сказала Кэрол, сжав руки на столе, – все начинается с таблеток.

– Так уж и все? – Аликс засмеялась своей шутке, но никто к ней не присоединился.

– Я принимала таблетки, которые стимулируют производство яйцеклеток яичниками, и, как только появляются яйцеклетки, их нужно культивировать.

– Это больно? – спросила Жаклин.

– Немного, но я все время думала о нашем ребенке, а это стоит любого дискомфорта. Мы с мужем так сильно хотим стать родителями!

Это было вполне очевидно. Кэрол, я была в этом уверена, станет замечательной матерью.

– После того как врач соберет сперму Дуга, мои яйцеклетки оплодотворяют, и получается культура эмбриона. Потом ее переносят мне в матку. У нас уже было две попытки, которые не увенчались успехом, а страховая компания оплачивает только три попытки, ну и очень важно, чтобы на этот раз я забеременела.

– Мне кажется, вы подвергаете себя сильному стрессу, – сказала Аликс, и это замечание показалось мне проницательным.

– Как это действует на нервы вам обоим! – тихо сказала Жаклин.

– Однако я чувствую уверенность, – просияла Кэрол. –

Не знаю почему, но впервые за много месяцев я чувствую, что все будет хорошо. Мы решили немного выждать после последней попытки. В основном потому, что нам с Дугом нужно некоторое время, чтобы справиться с разочарованием повторной неудачи. К тому же я считаю, что мне необходимо подготовиться к этому физически и морально. Но на этот раз все получится. Я просто *знаю*, что у нас будет ребенок.

– Надеюсь, – сказала Аликс. – Люди, которые хотят детей, просто должны их иметь.

– Всегда есть усыновление, – вставила Жаклин. – Вы об этом не думали?

– Думали, – ответила Кэрол. – Это жизненно важная возможность, но мы не хотим подавать на усыновление, пока не сделаем все возможное, чтобы заиметь родного ребенка.

– Насколько я понимаю, это процедура довольно длительная, – сказала Жаклин, а потом явно пожалела о сказанном.

– Да, знаю... Мы с Дугом говорили и об этом тоже. Мы могли бы поискать вариант заграничного усыновления, но читали, что это очень непросто. Во всяком случае, мы хотим рассмотреть все возможности, если не сможем иметь собственного малыша, но примем такое решение, только если наступит такая необходимость.

Я выждала минутку, а потом кивнула Аликс:

– Расскажите нам немного о себе. Аликс пожала плечами:

– Меня зовут Аликс Таунсенд, работаю в видеопрокате через улицу.

Я надеялась, что она не станет говорить о том, что будет вязать одеяло для малыша, чтобы с нее сняли часы общественно полезного труда, к которым приговорил ее суд. Но я не смогу остановить ее, если она все-таки решится об этом сказать. Я решила, что, как только Жаклин услышит это, она, по всей вероятности, просто уйдет с урока. Простите меня за меркантильность, но Жаклин купит гораздо больше пряжи, чем когда-либо сможет купить Аликс.

– Так уж случилось, что я живу в этом районе, – многозначительно сказала Аликс, – и надеюсь, что смогу продолжать тут жить, когда закончат конструкцию улицы.

Глаза ее сузились, когда она бросила взгляд через стол.

– И не смотрите на меня так, – улыбнулась Жаклин. – Я не имею к этому никакого отношения.

– Думаю, – сказала я, все еще стоя, – на первом уроке мы обсудим тип и вес пряжи.

Я почувствовала острую необходимость отвлечь Аликс, хотя была неизменной сторонницей проекта Лайнус.

– Узор, который я выбрала, один из моих любимых. Что мне нравится конкретно в этом узоре? Он достаточно занимательный, чтобы поддерживать у вас интерес, но не столь сложный, чтобы отбить охоту. Его вяжут из ровницы в четыре сложения, и дело идет на удивление быстро.

У меня была большая плетеная корзина, наполненная образцами различной гладкой пряжи самых разных цветов.

– Наверное, самореклама, но чувствую, мне нужно обра-

тить ваше внимание вот на что: всегда покупайте высококачественную пряжу. Когда вы тратите на какое-то изделие свое время и усилия, вы обречены на провал еще до того, как начнете, если воспользуетесь пряжей, купленной на нижнем этаже универмага.

– Согласна на все сто процентов, – решительно поддержала Жаклин.

Я знала, что у нее проблем с этим не будет.

– А что, если некоторые люди не могут позволить себе тратить большие деньги на всякую ерунду? – требовательно спросила Аликс.

– Конечно, однако это осложняет задачу.

– Вы сказали, что тот, кто записался на уроки, получит двадцатипроцентную скидку на покупку пряжи. Вы держите свое слово или уже передумали?

– Я держу свое слово, – заверила я ее.

– Хорошо, потому что на дне моего кошелька звенит не слишком много мелочи. – Она протянула руку к мотку бело-розовой пряжи из шерсти и акрила. – Это сколько стоит?

– Пять долларов.

– Каждый? – На ее лице отразился ужас. Я кивнула.

– И сколько мотков мне потребуется, чтобы из них связать одеяло?

Я схватила свой калькулятор.

– Похоже, пяти вполне хватит. Если вам хватит всего четырех мотков, вы сможете пятый вернуть мне за полную сто-

имость.

Аликс встала, сунула руку в карман и выудила оттуда помятую пятидолларовую бумажку.

– На этой неделе я могу купить только один, но смогу приобрести второй моток на следующей неделе, если это вас устроит.

– Важно, чтобы пряжа для всего изделия была одного оттенка, поэтому я отложу то, что вам нужно, а вы сможете оплачивать по мере возможности.

Аликс выглядела довольной.

– Это мне подходит. Полагаю, дама, которая замужем за этим модным архитектором, в состоянии скупить всю пряжу в вашем магазинчике.

– Меня зовут Жаклин, и я предпочла бы, чтобы вы называли меня по имени.

– Я бы хотела, чтобы вы все по своему желанию выбрали пряжу, – быстро вставила я, оборвав их до того, как Аликс успеет перепрыгнуть через стол и броситься на Жаклин.

Мне не хотелось признавать, но старшая женщина вовсе не была «душкой». Ее поведение, хотя и совсем иное, было несколько не лучше манер Аликс.

Жаклин сидела одна и заняла половину стола. Когда пришла Кэрол, той не оставалось ничего иного, как сесть рядом с Аликс. По манере поведения Жаклин было ясно, что она ждет от других особого отношения к себе, и не только на этом уроке, но и в жизни.

Я не переставала думать, во что вляпалась с этими уроками вязания и, честно говоря, была обеспокоена.

Я думала... я надеялась подружиться со своими клиентами, но все начиналось не так, как хотелось.

Урок продлился два часа, а мы едва справились с подсчетом и набором петель. Я выбрала способ, которому легче научиться, но не самый распространенный. Я не хотела ошеломить своих учениц на первом же уроке.

К концу урока у меня уже были причины сомневаться в своих педагогических способностях. Кэрол схватывала все на лету, но Аликс была ужасно неуклюжей. До Жаклин тоже доходило не быстро. Когда, наконец, урок подошел к концу, моя голова пульсировала от подступающей головной боли, и я чувствовала себя так, словно пробежала марафонскую дистанцию.

Телефонный звонок Маргарет раздался как раз тогда, когда я уже приготовилась закрывать магазин.

– «Путеводная нить», – сказала я, хватая трубку, надеясь говорить с подъемом и готовностью услужить.

– Это я, – ответила моя сестра бодрым деловым тоном. С таким голосом ей бы работать в налоговом управлении. – Я подумала, нам следует обсудить День матери.

Она права. Открытие магазина поглотило меня целиком и полностью, поэтому об этом я и не вспомнила.

– Конечно, мы должны сделать что-то особенное для мамы.

Это наш первый День матери без папы, и я понимала, что нам всем будет нелегко, но особенно маме. Несмотря на наши разногласия, мы с Маргарет каждый год делали что-то сообща, чтобы поздравить нашу маму.

– Девочки предложили отвезти ее на обед в субботу. В воскресенье мы навещаем мать Мэтта.

– Отличная идея, но мой магазинчик открыт по субботам. Я знала, суббота – день делового расцвета, поэтому закрываю магазинчик по понедельникам.

Моя сестра помедлила, а когда заговорила снова, показала почти радостной. И я быстро сообразила почему.

– Раз ты не можешь отлучиться, мы с девочками навестим маму в субботу, а ты сможешь провести с ней время в воскресенье.

Это означало, что Маргарет не придется делить со мной нашу маму. Мамино внимание будет принадлежать целиком моей сестре. Ясно, почему Маргарет все так устроила – она во всем со мной соревнуется.

– О! – Я-то надеялась, что мы побудем все вместе.

– Ты ведь не работаешь по воскресеньям, не так ли?

У меня опустились плечи.

– Нет, но... ну, если ты так хочешь.

– У меня ведь нет выбора, не так ли? – сказала Маргарет угрюмым агрессивным тоном, который я давно ненавидела. – Это ведь ты не можешь устроить обед в субботу. Полагаю, ты хочешь, чтобы я приспособливалась к твоему рас-

писанию, но я не стану.

– Я не просила тебя ничего менять.

– Да, не просила, но я умею читать между строк. Как ты знаешь, у меня есть муж, а у него тоже есть мать. Раз в жизни мы захотели провести День матери с ней.

Вместо того чтобы вступить в спор, я старалась по возможности говорить отстраненно:

– Может быть, мы сможем найти компромисс.

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю, мама любит обедать в районе порта. Я могла бы встретиться с вами там и закрыть магазин на пару часиков. Таким образом, мы могли бы побыть с ней все вместе, а уж потом я навестила бы ее и в воскресенье.

По продолжительной паузе я могла сказать, что Маргарет не обрадовалась такой идее.

– Ты что же, ожидаешь от меня, что я заеду за мамой и отвезу ее в Сиэтл в субботу днем, потому что так удобнее для *тебя*? Мы обе знаем, какое в это время ужасное движение.

– Это всего лишь предложение.

– Я предпочту, если мы отпразднуем День матери в этом году все вместе.

– Прекрасно. Возможно, мы так и сделаем.

Я сдалась и мысленно велела себе не забыть позвонить маме и все объяснить.

– Хорошо. Вот и решили.

Я заметила, что Маргарет не спросила о первых двух неде-

лях моего бизнеса. Она ни о чем не расспрашивала и не давала мне возможности спросить о том, что происходит в ее жизни.

– Мне нужно идти, – сказала Маргарет, – через пятнадцать минут у Джулии начинается урок танцев.

– Передай девочкам, что я их люблю, – сказала я. Племянницы были для меня радостью. Я глубоко их любила, и мы были близки как с Джулией, так и с Хейли. Почувствовав мое отношение к девочкам, Маргарет старалась держать их от меня подальше. Но теперь, когда повзрослели, они поступают по своему разумению. Мы часто болтаем, и я подозреваю, что они не говорят об этом своей маме.

Моя сестра повесила трубку, даже не попрощавшись. Такое поведение было типичным для Маргарет.

Я подошла к парадной двери и стала переворачивать табличку, чтобы читалось «Закрето». Тут я заметила Брэда Гетца, выходящего из многоквартирного здания, где живет Аликс. Он торопился и почти бежал к своему грузовику. Я не могла видеть, где он припарковался, но подумала, что знаю причину его спешки. Он симпатичный мужчина и подходящий жених, и, по всей вероятности, у него свидание в пятницу вечером.

Я могла бы быть той, к кому он спешил на ужин, – только я отказалась. Это был мой выбор, выбор, о котором я уже начинаю жалеть...

Глава 10

ЖАКЛИН ДОНОВАН

В попытке скрыть свою нервозность Жаклин налила себе второй бокал шардоне. После первого же глотка она вошла в кухню и вынесла оттуда тарелку с закусками для своих гостей. Марта искусно разложила крекеры, смазанные мягким плавленым сыром с зеленью и украшенные крошечной креветкой. Поль позвонил в начале недели, чтобы спросить, не могли бы они с Тэмми Ли остановиться у них дома в среду вечером.

Они провели уик-энд Дня матери в Луизиане с мамой Тэмми Ли, которая, видимо, чувствовала себя не слишком хорошо. Жаклин приняла осознанное решение не обижаться.

В первый раз Поль спрашивал разрешения навестить свой родной дом, и нервы Жаклин были натянуты с момента его телефонного звонка.

– Расслабься, – сказал Ризи, следуя за ней в кухню.

– У меня дурные предчувствия, – тихо сказала Жаклин.

Она бросила взгляд на часы на микроволновке и поняла, что еще целых десять минут до того, как должны приехать ее сын с невесткой. Она поежилась от перспективы иметь «милую» беседу с Тэмми Ли и боялась, что Поль вот-вот объ-

явит, что принял предложение о переводе в филиал в Нью-Орлеане, чтобы Тэмми Ли могла быть поближе к своей семье.

– Специально договариваться, чтобы приехать сюда, – совсем не похоже на Поля.

– Просто он становится внимательным. – Ризи обошел стойку и уселся на табурет. – Разве вязание не успокаивает тебе нервы?

– Это совсем другое, – огрызнулась Жаклин. – Я бросаю эти смехотворные курсы.

От горячности такого заявления он запрокинул голову.

– Что это на тебя нашло?

– У меня есть причины.

Ей не нравилось смотреть Ризи в лицо, как будто бы он в ней разочаровался. Но ведь это не он конфликтует с этой дурно воспитанной панк-рокершей, или как там сегодня эти люди называют себя. «Аликс через «и» похожа на члена банды. Девушка пугала ее.

– Почему это тебя заботит то, что я делаю? – Жаклин облокотилась о стойку напротив мужа.

– На прошлой неделе ты казалась такой оживленной, – заметил он мягко. – Я думал, это был жест примирения с твоей стороны. И ты записалась на курсы, чтобы показать Полю, что собираешься стать хорошей бабушкой.

– Я и так намерена стать *замечательной* бабушкой. Бога ради, какие шансы могут быть у ребенка Тэмми Ли? Она его

вырастит, обучая, как мариновать свиные ножки.

При этой мысли ее бросило в дрожь.

– Ну же, Жаклин...

– На самом деле это ты во всем виноват!

– Я? – Ризи выпрямился, и на мгновение пока залось, что он вот-вот расхохочется. – Ты обвиняешь меня? В чем же?

– В том, что я... записалась на эти ужасные курсы вязания.

Он нахмурился:

– Лучше расскажи мне, что происходит.

– На курсах есть одна молодая женщина. Представить не могу, почему она захотела научиться вязать, но это не важно. Она просто отвратительна, Ризи. Это единственное слово, которое я могу подобрать, чтобы описать ее. Волосы у нее какого-то нелепого алого оттенка, и она сразу же невзлюбила меня, когда узнала, что ты отвечаешь за происходящее в районе Цветочной улицы.

Ризи потянулся за вином.

– Большинство одобряет реконструкцию.

– Аликс живет в многоквартирном доме в конце улицы.

Насколько Жаклин могла судить, это была настоящая крысиная нора. Если дом предназначен к сносу, тем лучше. Аликс и ей подобные будут вынуждены искать дешевое жилье в другом месте. Подобным девушкам нет места в престижном районе, в который вскоре войдет и Цветочная улица.

– Ага... – пробурчал Ризи и отхлебнул вина, – теперь по-

нимаю.

– И что планируется для этого здания? – спросила Жаклин.

– Еще не решено. – Ризи осторожно покрутил свой бокал с вином. – Город ведет переговоры с владельцем. Моя идея состояла в полной переделке этого места под кооперативный район, но, похоже, некоторые защитники дешевого жилья достучались до мэра.

– Вот неудача! Эти обитатели дешевого жилья разрушат весь район. Ты вполне можешь распрощаться со своим тяжелым трудом.

Она терпеть не могла казаться пессимисткой, но если Аликс является показателем социального уровня живущих в этом здании, тогда вся улица рискует.

– Может быть, ты дашь еще один шанс своим курсам вязания? – предложил Ризи, проигнорировав ее выступление.

Правда состояла в том, что Жаклин *хотела* продолжать. Она совсем не находила курсы «ужасными», это было преувеличение ради Ризи. Если не считать стычки с Аликс, урок ей понравился. Лидия велела им походить по магазинчику и выбрать три мотка шерсти своих любимых расцветок. Тогда это могло показаться бесполезным упражнением. Жаклин выбрала блестящий серебряный, насыщенный алый и пронзительно красный.

Следующим заданием Лидии было выбрать шерсть цветов, которые Жаклин меньше всего нравятся. Та сразу же по-

дошла к ярко-желтому мотку, этот цвет ей совсем не нравился. Лидия рассказала о контрастных цветах и показала, как они дополняют друг друга. И в самом деле, желтый выглядел совершенно другим на фоне алого, и, как сказала Лидия, контраст был на удивление действенным.

Она узнала, что вязание начинается с выбора текстуры и цвета пряжи, чего она прежде не принимала во внимание. Жаклин ушла с урока с осознанием того, что узнала гораздо больше, чем основные петли для вязания. Однако этого было мало, чтобы унять ее беспокойство в отношении Аликс.

– Я могу начать посещать следующий курс для начинающих позже, летом, – буркнула Жаклин, все еще не определившись, что делать.

Она заплатила за полный шестинедельный курс, и ей ненавистна мысль о том, что какая-то хулиганка выживает ее своими плохими манерами.

Зазвонил дверной звонок, и Жаклин почувствовала, как напряжение поползло вверх по позвоночнику. Пока Ризи открывал дверь, она выдавила из себя улыбку и двинулась в гостиную, сжав руки перед собой. Она выжидала, пока Ризи поздоровается с Полем и Тэмми Ли в прихожей.

– Как здорово увидеться с вами обоими, – промурлыкала Жаклин, протягивая руки к Тэмми Ли и своему сыну, когда молодые вошли в комнату.

Она быстро обняла невестку и испачкала щеку Поля своей помадой. Теперь, когда Жаклин знала, что Тэмми Ли бе-

ременна, она удивлялась, почему не догадывалась об этом раньше. Ее невестка определенно ведет себя достаточно демонстративно, чтобы ограничиться лишь блузой для беременных.

Поль и Тэмми Ли уселись на диване так близко, что касались друг друга плечами. Они держались за руки, словно хотели показать всем: ничто не сможет их разлучить.

Пока Ризи наливал Полю бокал вина, Жаклин внесла блюдо с закусками. Тэмми Ли улыбнулась Жаклин.

– Я люблю креветки, но, как только забеременела, просто с ума от них схожу, – сказала она, слегка гнусая. – Спросите Поля. Думаю, его уже должно тошнить от креветок, но он никогда не жалуется.

Она любовно посмотрела на мужа, беря салфеточку и два крекера.

Поль бросил на жену взгляд полный любви и гордости, и Жаклин пришлось приложить все усилия, чтобы сохранять спокойствие. Она не могла понять, что ее сын нашел в этой девушке.

– Что предложить вам из напитков? – спросил Ризи у Тэмми Ли, когда принес Полю его бокал с вином.

– Как мило с вашей стороны, что вы об этом спросили, но ничего не надо, спасибо.

«Если и есть за что быть благодарным, – размышляла Жаклин, – так это то, что Тэмми Ли, по всей видимости, заботится о себе во время беременности. По крайней мере, у нее

для этого достаточно здравого смысла».

Ризи и Жаклин сидели напротив молодых в кожаных креслах. Их разделял полированный приставной столик красного дерева. Они так редко пользовались гостиной, что спустя пять лет после покупки кресла все еще пахли новой кожей.

– Думаю, мы должны им сказать, – прошептала Тэмми Ли Полю.

Поль кивнул и сжал ей руку.

– Тэмми Ли сегодня днем прошла ультразвуковое обследование, и, кажется, у нас будет девочка. – Он улыбнулся. – Иногда этого нельзя сказать наверняка, но наш врач совершенно уверен, что это девочка.

– Девочка, – повторил Ризи, и в его голосе звучало счастье. Он встал и похлопал Поля по спине. – Ты слышала, Джеки? Наконец-то у нас будет девочка!

Жаклин почувствовала, что у нее онемели руки.

– Внучка, – поправила она его, когда странное покалывание распространилось по ее рукам. О, как когда-то она хотела дочку!

– Мы еще не выбирали имена, – поспешила добавить Тэмми Ли тихим гнусавым голосом. Создавалось такое впечатление, словно она говорит под водой.

– Мы только сегодня днем решили, что хотим узнать пол малыша. Вы первые, кому мы об этом сказали.

– Мы с твоей матерью всегда надеялись иметь маленькую

девочку, – признался Ризи, вторя мыслям Жаклин.

– Это... это просто замечательно, – наконец вымолвила Жаклин.

– Мы решили, что нам следует сказать вам, мам, – Поль в первый раз обратил на нее внимание, – чтобы ты знала, какого цвета пряжу выбрать для детского одеяльца.

– Миссис Донован, поверьте, когда Поль сказал мне, что вы вяжете одеяльце для нашего малыша, это согрело мою душу. Вы все так добры ко мне!

Она положила обе руки на свой живот и вздохнула.

Гнусавый выговор Тэмми Ли заставил Жаклин стиснуть зубы. Некоторые могут находить его приятным, но для Жаклин он говорил о необразованности его обладательницы. Об отсутствии утонченности.

– Есть еще одна новость, – сказал Поль, подвигаясь к краю диванной подушки.

– Еще одна? – переспросил Ризи. – Только не говорите, что у вас будут близнецы.

– Ничего подобного. – Поль издал короткий смешок.

Тэмми Ли широко улыбнулась мужу.

– Близнецы! Я так нервничаю с одним ребенком, даже и представить не могу, что было бы, если бы у меня было два малыша.

Поль с женой обменялись такими ласковыми взглядами, что Жаклин отвела взгляд. Надежда, что ее сын сожалеет о своей женитьбе, скоропостижно умерла.

– Итак, какая же эта ваша вторая новость? – спросил Ризи. Лицо Поля просияло.

– На прошлой неделе я узнал, что нас с Тэмми Ли приняли в члены загородного клуба Сиэтла.

Клуб, членами которого были Жаклин и Ризи, считался самым престижным в этом районе. Ежегодно членство ограничивалось всего несколькими местами. Само собой разумеется, принимали людей только определенного круга. Первой мыслью Жаклин, когда ей представили Тэмми Ли, была та, что Поль лишился всех шансов когда-нибудь вступить в члены загородного клуба.

– Я так довольна, – сказала Жаклин, старательно изображая улыбку.

По-видимому, продолжительная и неуместная дискуссия Тэмми Ли о южной кухне не нанесла столь уж разрушительного ущерба, как она сочла прежде.

– Меня пригласили работать в комитете по составлению поваренной книги, – заливалась Тэмми Ли, словно это было величайшим счастьем всей ее жизни. – Не могу сосчитать, сколько раз меня просили поделиться любимыми рецептами моей мамы, тети Тельмы и тети Фриды.

– Рецептами чего? – не сдержалась Жаклин и выпалила вопрос прежде, чем успела сказать себе «стоп».

– В основном люди хотят знать о собачьих галетах. Несколько дам уже спрашивали меня об этом.

– Собачьих галетах?

– Это похоже на хлеб из кукурузы, мама, – вставил Поль.

– Я знаю, что это такое, – произнесла она сквозь зубы.

– Поль просто обожает мои собачьи галеты, – прогнусавила Тэмми Ли, горя желанием продолжить разговор. – Моя мама рассказывала, что их называли так, потому что охотники бросали собакам остатки кукурузных лепешек, чтобы те тихо вели себя по ночам.

– И именно этот рецепт вы собираетесь представить для поваренной книги загородного клуба Сиэтла? – Жаклин была убеждена, что больше никогда не сможет показаться на публике.

– Угу, и еще я попросила у мамы рецепт брансвикского жаркого, который ей передала моя бабушка. Это самое любимое блюдо моего папы. Бабушка росла в Джорджии, а потом вышла замуж и переехала в Теннесси. Мне было почти восемнадцать, когда мы переехали в Луизиану, поэтому на самом деле я считаю себя блюграсс гёрл⁴.

– Брансвикское жаркое, – повторила Жаклин. «По крайней мере, хоть звучит презентабельно».

– Это южный вариант чили. Мама всегда подает его, когда у нас барбекю. У мамы есть оригинальный бабушкин рецепт, но мне нужно его слегка изменить. Теперь все кладут свинину или цыпленка вместо опоссума или белки.

Еще одно слово этой женщины, и Жаклин опасалась, что

---

⁴ По аналогии с «Блюграсс Бойз» – ансамблем, играющим музыку в стиле блюграсс – вариант народной американской музыки.

упадет в обморок.

– Надеюсь, ты дашь им свой рецепт жаркого из окры, – сказал Поль, словно никогда в жизни не пробовал ничего вкуснее. – Вы не поверите, что Тэмми Ли делает из плодов окры. Клянусь, у меня такое ощущение, словно я умер и попал на небеса.

Единственный раз в жизни Жаклин видела этот вязкий зеленый плод. Он оказался в каком-то супе. Жаклин никогда не пробовала его прежде, но, выловив из суповой миски, отказалась его есть из-за густой слизи, капающей с ложки. Жаклин чуть было не подавилась только при одном его виде, а теперь сын говорит ей, что наслаждается этим отвратительным плодом.

– У меня есть еще рецепт пирога с орехом пекан, любимого пирога нашей семьи, и я буду счастлива им поделиться.

– Думаю, что нас приняли в члены загородного клуба только из-за кулинарных талантов Тэмми Ли.

Жаклин пришлось закусить губу, чтобы удержаться и не напомнить Полю, что она вот уже несколько лет добровольно участвует в деятельности клуба. Ее благотворительные проекты одни из самых удачных кампаний по сбору средств в загородном клубе. Имя Ризи тоже обладает определенным весом, но, очевидно, их сын не принимает в расчет давний вклад своих родителей. Но нет, он решил, что двери в клуб им открыло кулинарное искусство Тэмми Ли – подумать только, тушеное мясо убитой белки!

– Похоже, вы переполнены хорошими новостями, – сказал Ризи, широко улыбаясь, выражая своей улыбкой восхищение.

– Да, – согласилась Жаклин, делая попытку выглядеть столь же довольной. Она старалась, сильно старалась, но это было очень нелегко.

– Я заявляю, что не знаю пары счастливее нас с Полем, – протянула Тэмми Ли. – Поверить не могу, что мужчина так может любить женщину, как Поль любит меня, особенно с тех пор, как мы узнали о ребенке.

– Мы безмерно счастливы считать вас членом своей семьи, – сказал Ризи.

– Я чувствую вашу любовь, – сказала Тэмми Ли, глядя на Ризи. – И у меня не хватает слов, чтобы отблагодарить за такой теплый прием.

Поль встретился взглядом с Жаклин. Он понимал, что она чувствует. Она могла обмануть Тэмми Ли, но сын знал ее слишком хорошо. До сих пор Поль защищал свою юную жену от ее неодобрения. Одно время мать и сын были особенно близки, но с появлением Тэмми Ли эта связь фактически исчезла.

В этот момент Жаклин увидела вызов во взгляде сына. Она поняла, что, если хоть одним словом обидит Тэмми Ли, он никогда ей этого не простит.

Глава 11

КЭРОЛ ЖИРАР

Кэрол поставила букет свежих цветов в середину обеденного стола и отошла, чтобы полюбоваться своей работой. В полдень она ходила на рынок Пайк-Плейс и купила белые лилии и красные астромерии вместе со свежей семгой и только что проклюнувшимися ростками спаржи. Она самостоятельно составила букет, воспользовавшись фарфоровой вазой, прилагавшейся к розам, которые прислал ей Дуг на их прошлую годовщину свадьбы.

На протяжении многих лет все ее усилия и энергия были потрачены на карьеру. Когда Кэрол только что оставила работу, она слонялась, не зная, чем заполнить свой день. Она была бы в полной растерянности, если бы не ее онлайн-группа поддержки. Эти женщины стали ей близкими, как сестры, они все боролись с проблемами бесплодия и обеспечивали друг друга информацией и поддержкой. Она приободрилась, узнав, что несколько других женщин начали вязать ради релаксации и чувства удовлетворения от полученных результатов. Кэрол разделяла эти цели, но для нее вязание также олицетворяло жизнь, которой она хотела и *будет* жить, как мать своего будущего ребенка.

Все переменялось к лучшему в тот день, когда она обна-

ружила магазинчик с аксессуарами для вязания на Цветочной улице.

После встречи с Лидией и остальными женщинами на прошлой неделе ей словно открылся целый мир. Впервые она посмотрела на свою квартиру не как на место, где спала или время от времени развлекалась. Это был ее дом, и она решила сделать его настоящим, с женскими мелочами, которые выражают ее любовь к мужу и будущему ребенку.

Обычно, когда к ней заглядывал ее брат, они отправлялись куда-нибудь поесть. В этот вечер Кэрол готовила еду сама. Рик показался ей взволнованным, когда звонил, и она хотела создать уютную интимную атмосферу, чтобы они могли свободно поговорить. Покупки и составление букета заняли почти весь день, но она наслаждалась каждой его минутой. Шесть месяцев назад она рассмеялась бы при мысли о составлении букета или о том, чтобы провести все утро, бродя между рядами на местном фермерском рынке. Теперь эти домашние мелочи были для нее источником удовольствия и удовлетворения. Потому что она делала их для своей семьи.

Рик позвонил из вестибюля, и Кэрол поспешила встретить его у двери и обняла брата, как только он вошел в квартиру.

– Ну-ну, – сказал Рик, отстраняясь, явно удивленный теплотой ее приветствия. – Не ожидал, что меня будут сбивать с ног.

– Прости. Так здорово увидеться с тобой!

Рик рассмеялся и осмотрел квартиру.

– А где Дуг?

– Он звонил... немного задерживается. Уверена, он опоздает не намного.

Она взглянула на свои наручные часы, провожая Рика в гостиную. Дуг не проявил такого же энтузиазма по поводу ужина с Риком, как она.

– Хочешь пива?

Ее брат предпочитал пиво крепкому алкоголю. Он выпивал, только если в его распоряжении было двадцать четыре часа до следующего полета.

– С удовольствием.

Он сел там, откуда открывался беспрепятственный вид на порт, и долго молчал, смотря в окно. Он взял пиво и поблагодарил улыбкой.

– Могу я чем-нибудь помочь тебе с ужином?

– Ничем. Все уже почти готово.

– Ты неплохо устроилась, сестричка, – сказал он грустно.

Рик снова взял пивную бутылку и сделал глоток.

– И ты тоже, – ответила она ему. Рик тихонько засмеялся.

– Неужели?

– Мать Божья, Рик! – сказала она, стараясь облегчить его смурное настроение. – Ты пилот главной авиалинии. Твоя мечта воплотилась в жизнь.

Ее брат проделал путь к высоким чинам совершенно самостоятельно. Сколько помнит себя Кэрл, Рик говорил о том, что станет летчиком. С того времени, как получил во-

дательские права, он начал болтаться рядом с аэропортом, разговаривая с летчиками и по возможности чему-то учась.

Он улыбнулся, словно соглашаясь.

– Тогда мне следует быть довольным, правда?

– А ты не доволен?

Кэрол прошла в гостиную, оставив салат. Заправка может и подождать. Усевшись напротив Рика, Кэрол наклонилась к нему поближе.

– Что не так?

– Прости, прости. – Он смехом ответил на ее вопрос. – Не знаю, что на меня нашло. Со мной все прекрасно. Я ничего не говорил. Забудь.

– И не собираюсь. Ну-ка, выкладывай, что у тебя на уме. Ты ведь проделал такой путь не для того, чтобы любоваться видом из моего окна неопределенно долгое время.

Он пожал плечами, пропустив ее реплику мимо ушей.

– На самом деле я был в отличном настроении, пока не увидел, что ты сделала с квартирой.

– И что же я сделала? – спросила Кэрол с улыбкой. – И почему это испортило тебе настроение?

Ее брат осмотрелся, а через несколько минут нахмурился:

– Не знаю, в чем *точно*, но разница есть.

Он заметил. На самом деле все было на том же самом месте, что и в его последний приезд. Мебель была та же, и внешне очень мало что изменилось. И все-таки квартира казалась изменившейся. Цветы и блестящая полировка, сия-

ющие бокалы – все это мелочи, но они выражали ее новое отношение к дому и тому, что он означает. Это было место любви, место, ожидающее появления ребенка.

– Разница действительно есть, – подтвердила Кэрол, – но изменилась-то только я сама. Я счастлива, Рик, искренне счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.